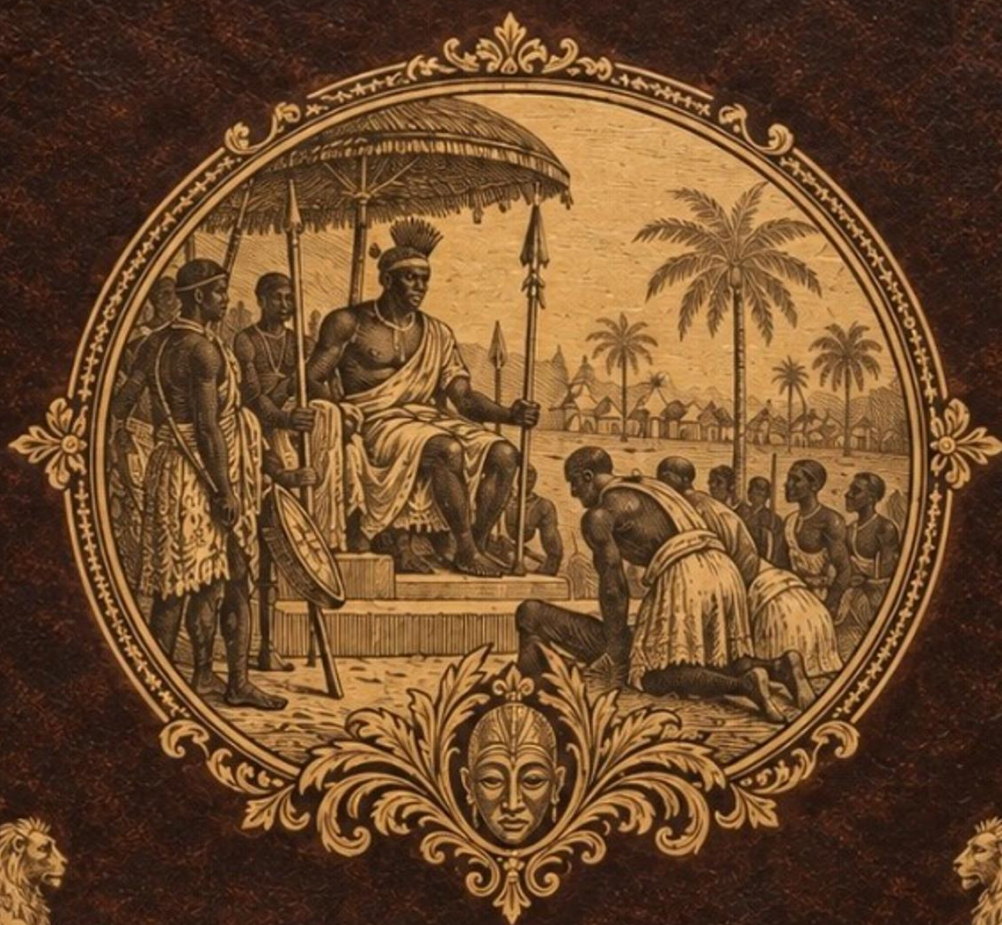

ФРЕДЕРИК Э. ФОРБС

ДАГОМЕЯ И ДАГОМЕЙЦЫ

Дневники двух миссий
к королю Дагомеи

1849 – 1850

18+

Фредерик Э. Форбс

**Дагомея и дагомейцы, дневник
двух миссий к королю Дагомеи**

«Автор»

2026

Форбс Ф.

Дагомея и дагомейцы, дневник двух миссий к королю Дагомеи /
Ф. Форбс — «Автор», 2026

«Дагомея и дагомейцы» Фредерика Э. Форбса — документальное свидетельство британского морского офицера, дважды посетившего королевство Дагомея в 1849–1850 годах. Автор описывает путь от побережья к Абомею, двор короля Гезо, государственное устройство, армию, знаменитые женские военные отряды, придворные церемонии, ежегодные празднества, религиозные обряды и человеческие жертвоприношения. Особое место занимает работорговля: Форбс наблюдает её последствия изнутри и пытается убедить короля отказаться от торговли людьми. Книга сочетает путевой дневник, этнографические наблюдения, политические переговоры и описание повседневной жизни Западной Африки середины XIX века. В приложениях собраны сведения о языках региона, словари, списки чиновников и подробные записи о королевских церемониях. Автор заметок Фредерик Э. Форбс, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Форбс Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА I	9
ДАГОМЕЯ И ЕЁ СОСЕДИ	9
Ранние карты Дагомеи	11
Ранняя история Дагомеи	11
Дагомейские завоевания	12
Абеа-Кеута, Лагос и Бенин	13
Уида	13
ГЛАВА II	15
ДАГОМЕЙЦЫ И ИХ НРАВЫ	15
Население Дагомеи	15
Ежегодные войны и охоты за рабами	15
Нападение на аттахпамов	16
Ежегодные обычаи-празднества	16
Королевский салют	16
Происхождение дагомейцев	17
Охоты за рабами	17
Миган и майо	17
Амазонки	18
Придворные обычаи	18
Приветствия	18
Королевские жёны	18
Браки	19
Законы и наказания	19
Одежда и украшения	19
Дома, обстановка и пища	20
Земледелие	20
Королевская пальмовая плантация	20
Язык	20
Религия. Фетиши	21
Освобождённые рабы	21
Древние правила	21
Вымогательство посредством подарков	21
Должности	22
Налоги и их сборщики	22
Деньги	22
Жизнь в Дагомее	22
Измерение времени	23
Городская стража	23
ДНЕВНИКИ	24
ДНЕВНИК МИССИИ КО ДВОРУ ДАГОМЕИ	24
В октябре и ноябре 1849 года	24
ЧАСТЬ I	25
ОТ УИДЫ ДО АБОМЕЯ	25
3–16 октября	25
Опасная высадка в Уиде	25

Противодействие нашему продвижению	25
Приём в Уиде	26
Первый визит к вице-королю	26
Второй визит к вице-королю	26
Торжественный визит вице-короля	26
Обычаи в память да Соузы	27
Процессия вождей навстречу работоторговцам	27
Послание от короля	27
Приготовления к путешествию	27
Начало путешествия	28
Мадики, комендант	28
Сави	28
Тори	28
Азохви	29
Аллада	29
Дом камбуди	29
Рынок Аллады	29
Парковая местность	30
Лесная местность	30
Отсутствие камня	30
Переход через большое болото	30
Прибытие в Канна	31
ЧАСТЬ II	33
АБОМЕЙ, ЕГО ДВОР И ЕГО ЖИТЕЛИ	33
Город Абомей и его укрепления	33
Приготовления к первой встрече с королём	35
Визиты кабуссиров и брата короля	36
Представление королю во дворце Данге-ла-корде	38
Смотр амазонок	38
Подарки королю. Беседа с королём	39
Судьба доктора Диксона	40
Предание анагу	40
Подарки от короля	40
Случай с круменами. Наш отъезд	41
Королевский суд	42
Прибытие в Уайбу	42
Дом Жозе Мартинса	42
Отплытие из Уиды. Смерть мистера Дункана	43
ЧАСТЬ III	44
ДНЕВНИК ПРЕБЫВАНИЯ НА БЕРЕГУ В УИДЕ С 27	44
ФЕВРАЛЯ ПО 31 МАРТА И ОПИСАНИЕ УИДЫ	
Поездка в Малый Попо	44
Лагуна	44
Мистер Лоусон и его история	45
Клеймение рабов	46
Необыкновенный пример власти служителей фетиша	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фредерик Э. Форбс
Дагомея и дагомейцы, дневник
двух миссий к королю Дагомеи

ДАГОМЕЯ И ДАГОМЕЙЦЫ
ДНЕВНИКИ ДВУХ МИССИЙ К КОРОЛЮ ДАГОМЕИ И ПРЕБЫВАНИЯ В ЕГО
СТОЛИЦЕ В 1849 И 1850 ГОДАХ.

ФРЕДЕРИК Э. ФОРБС, командер Королевского флота, член Королевского географического общества, автор книг «Пять лет в Китае» и «Шесть месяцев в африканской блокаде»; первооткрыватель фонетики языка вахи и проч.

В двух томах.

Том I.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды вечером, беседуя на борту корабля Её Величества «Cyclops» с достопочтенным капитаном Гастингсом, он заметил, что визит морского офицера к королю Дагомеи мог бы принести большую пользу в то время, когда смерть главного агента и основного торговца этого короля, да Соузы, оставила ему больше свободы проявлять человеколюбие и прислушаться к неоднократно повторявшимся призывам прекратить работорговлю в его владениях. Давно желая посетить внутренние королевства Африки и увидеть последствия работорговли в тех странах, откуда она берёт своё начало, я тотчас предложил свои услуги. Но капитан Гастингс, хотя и был старшим офицером и сам выдвинул это предложение, не счёл себя вправе отправить меня без разрешения главнокомандующего, к вымпелу которого он собирался присоединиться.

Главнокомандующий принял предложение моих услуг и одновременно просьбу мистера Дункана, недавно назначенного вице-консулом, чтобы морской офицер сопровождал его ко двору Дагомеи, и сообразовался оказать мне честь поручить эту миссию.

О состоянии работорговли на побережье и в море, равно как и о судьбе рабов в Бразилии, написано уже очень много. Цель автора, предающего гласности следующие дневники, состоит в том, чтобы показать ужасные охоты за рабами и разорения, уничтожение и истребление, являющиеся следствием этой торговли; и ярко представить британской публике священную службу, которую она оказывает своим собратьям, всё более настойчиво прилагая усилия к прекращению этих страшных ужасов.

Мне часто случалось путешествовать день или два по различным частям внутренних областей Африки, и я видел работорговлю на её развитой, систематической стадии и считал ужасы этой её части достаточно отвратительными. Я посещал баракуны и видел людей, настолько страшно истощённых лишениями и непрерывным изнурением во время перехода к побережью, что сама природа уже не могла поддерживать их тело. Я видел трюм невольничьего судна и ужасы болезней, возникающих из-за тесноты и отсутствия здоровой пищи, способной смягчить муки голода и жажды. Я видел раба, изнуряющего себя трудом в Южной Америке, и знал, что его труд был для хозяина предметом расчёта: принесёт ли он больше денег непрерывной работой и короткой жизнью или лёгким трудом и продлённым жалким существованием. Но что всё это по сравнению с трагическими сценами, которыми рабов вводят в рабство? Страна, живущая в мире со всеми соседями и занимающаяся торговлей в стремлении разбогатеть, внезапно окружается беспощадной шайкой разбойников; и как меняется картина! Стариков, которых отвергли бы, приведи их на рынок, приносят в жертву; весь народ уводят, истребляют, уничтожают, и его имя предаётся забвению, кроме как во время ежегодного праздника победителей, когда льстецы напоминают им названия покорённых стран.

Такое состояние общества будет продолжаться, пока существует работорговля. Следовало бы задать вопрос: в силах ли этой страны остановить её? Я не стану ограничиваться мнениями, а изложу факты.

В течение шести месяцев 1848 года между колонией Сьерра-Леоне и Либерией я, командуя кораблём Её Величества «Bonetta», захватил шесть невольничьих судов. На этой станции тогда находились четыре крейсера, из которых два захватили по два судна каждый, а третий — одно невольничье судно за тот же промежуток времени. Это доказывало, что работорговля там в то время должна была быть весьма оживлённой. Диоген в своих поисках честного человека имел больше шансов на успех, чем теперь крейсер имеет шансов встретить там невольничье судно. Торговля уничтожена, и люди отошли от своих дурных привычек и сделались трудолюбивыми. Этот участок завершает длинную линию побережья, ныне открытую только для законной торговли; и если к ней присоединить ту часть, о которой рассказывают эти дневники, она охватит всё побережье Африканского континента к северу от экватора. Теперь бло-

кировать требуется лишь часть побережья к югу от него; и если бы торговлю в заливах удалось пресечь, действие ныне занятой этим эскадры на оставшийся участок охраняемого берега увеличилось бы вчетверо. Пусть правительство снабдит каждый крейсер палубным катером; пусть это будет быстроходное парусное судно, укомплектованное людьми, оснащённое и во всех отношениях вооружённое и снаряжённое силами крейсеров, и действие эскадры снова удвоится.* Многие крейсера вполне могли бы оснастить и укомплектовать два таких баркаса и таким образом выстроить их вдоль побережья, чтобы ни вход, ни выход не могли совершиться незамеченными.

- Это мнение было написано до того, как автор получил возможность узнать содержание показаний капитана Данлопа перед комитетом Палаты лордов.

Я не осуждаю тех, кто думает, что эскадра увеличивает ужасы. Это естественный вывод, и к нему пришёл и я сам, пока не увидел истинный источник тех зол, на которые жалуются. Тогда я понял, что, если эскадру отозвать, охоты за рабами и истребления усилятся. Жителей огромного пространства побережья удалось побудить отказаться от работорговли, и почему? Потому что им показали, насколько торговля пальмовым маслом выгоднее торговли рабами. Во всех странах, отказавшихся от торговли своими собратьями, проповедь Евангелия и распространение образования самым существенным образом помогали действию принудительных мер нашей эскадры. Есть короли на реках Камерун и Бонни, чьи собственноручно ведущиеся бухгалтерские книги украсили бы любую контору в этой стране; а их ум, расширенный образованием, сделал их достаточно смелыми, чтобы объявить, что старое суеверие ибо отныне не должно существовать, и самим подать пример, став христианами.

Когда работорговля пресечена, её следует заменить другой торговлей, иначе она вскоре возродится. Чтобы обеспечить успех, прежде всего следует насадить образование, а затем ввести торговлю: тогда, просвещаясь, африканец станет испытывать отвращение к тем ужасам, которые до сих пор поощрял.

Доктор Джонсон говорил, что возможно, хотя и маловероятно, что амазонки действительно существовали. Амазонки, о которых говорится в этих дневниках, не лишены, подобно древним женщинам-воинам, левой груди, а являются вполне обычными женщинами. Они живут в целомудрии, номинально считаясь жёнами старых солдат короля; либо за отличие в храбрости король выдаёт их замуж за своих любимых подданных.

В такой варварской стране, как Дагомей, любопытно видеть династию, просуществовавшую два столетия. Многие их обычаи странным образом противоречат ужасам других. Формы и церемонии учтивого общества необычайно контрастируют с жертвоприношениями ни в чём не повинных военнопленных. Верность памяти, проявляемая трубадурами и высшими сановниками, доказывает, что дагомейцы способны к образованию. Будем надеяться, что вскоре этот народ присоединится к тем многим народам Африки, которые предпочитают труд принесению подданного в жертву и его продаже: первое совершается в тщетной попытке умиловить оскорблённое всемогущее Существо; второе — чтобы обогатить за счёт собственной страны далёкую чужую и, увы! христианскую землю.

ГЛАВА I

ДАГОМЕЯ И ЕЁ СОСЕДИ

Гезо, король Дагомеи

Будучи королём работоторговли и её торговцев, дагомейский монарх стал именем, широко употребляемым в обиходе; между тем положение его королевства, привычки, нравы и обычаи его народа, равно как и средства его государя, известны неверно, если вообще известны. Расположенное во внутренних областях Гвинейского побережья, это великое военное королевство простирается почти от берегов Нигера до берегов Вольты и господствует, если не владеет, над всей землёй, лежащей между отсечённым устьями этих рек участком побережья и подножиями Конгских гор. До начала прошлого столетия само имя Дагомеи было неизвестно в Европе, и самое раннее известие о её народе и его могуществе, которым мы располагаем, не восходит далее той эпохи.

Ранние карты Дагомеи

Некоторые географы убедили себя, что в Дауне Льва Африканского следует узнавать нынешнюю Дагомею. Но хотя венецианская карта Сануто уже в 1588 году с кажущейся уверенностью помещала там это название и почти столетие спустя ей последовал доктор Хейли в своём издании «Математики» сэра Джонаса Мура, теперь мы достоверно знаем, что королевство, обозначенное таким образом на их картах, населено народами, отличающимися от дагомейцев именем, расой и нравами. Самые ранние известные ныне сношения между дагомейцами и европейцами относятся к 1724 году, когда тогдашний король Дагомеи наводнил войсками королевство Ардра, лежавшее между его столицей и морским побережьем, и захватил в его главном городе европейского фактора. Этот европейский пленник и агент Английской Африканской компании, мистер Булфинч Лэмб, хотя и был уведён пленником в Абомей, пользовался хорошим и добрым обращением со стороны темнокожего монарха и получил такую меру свободы, что ему позволили переписываться со своим начальником, комендантом английского форта в Уиде. Именно в письме мистера Лэмба английскому коменданту мы получаем самый ранний очерк этого малоизвестного народа; и это раннее описание столь любопытно и вместе с тем настолько точно соответствует нынешним привычкам и нравам народа, что было сочтено полезным перепечатать его в Приложении. Более чем любопытно отметить, как мало изменился этот военный деспотизм за два с половиной столетия, несмотря на весь прогресс, достигнутый на африканском побережье благодаря европейской предприимчивости и знаниям.*

• Письмо мистера Булфинча Лэмба мистеру Такеру, губернатору английского форта в Уиде, в конце книги «Новое путешествие в Гвинею» Уильяма Смита, эсквайра. Лондон, 1745. «Полное описание некоторой части Гвинеи» капитана Уильяма Снелгрейва. Лондон, 1734. См. Приложение (А).

Ранняя история Дагомеи

Рассказ, начатый мистером Лэмбом, продолжен в отдельных трудах капитанов Смита и Снелгрейва до того времени, когда неосмотрительность английского коменданта в Уиде вызвала второе и третье вторжения короля в прибрежные страны и завершилась смертью губернатора и временным разрушением голландского, английского, французского и португальского фортов в городе Жакен. Это произошло в 1732 году, в том самом году, когда умер король, обычно называемый Гуаджа Трудо, и ему наследовал его сын Босса Ахади. Историю этого жалкого тирана написал человек, восемнадцать лет занимавшийся африканской торговлей, а завершена она была в более совершенном труде губернатора Далзела, губернатора замка Кейп-Кост. Последний труд, помимо того что включил и продолжил рассказ мистера Норриса о цар-

ствовании Ахади, довёл дагомейские летописи до времени сына и внука этого отвратительного дикаря.*

- «Мемуары о царствовании Боссы Ахади; с рассказом о путешествии в Абомей в 1772 году», мистер Роберт Норрис. Лондон, 1789. «История Дагомеи, составленная по достоверным источникам», Арчибальд Далзел, эсквайр, губернатор замка Кейп-Кост. 4°. Лондон, 1798. «Путешествие в Африку; с некоторыми сведениями о нравах и обычаях дагомейского народа», Джон Маклеод, доктор медицины. Лондон, 1820.

С этого времени история была кратко изложена доктором Маклеодом и продолжена до царствования младшего сына Уинугу, внука Ахади, который вступил на престол вместо своего старшего брата, чьё уродство одной ноги было признано достаточной или, по крайней мере, выставлено как достаточная причина для отклонения его как наследника отцовского престола. Так история этого важного и глубоко интересного народа была доведена до начала нынешнего столетия, когда мы находим его под властью нового государя, но неизменившимся в нравах и привычках, хотя значительно возросшим в могуществе и размерах своих владений и находящимся в ежедневных сношениях с европейцами и даже зависящим от них в своём благосостоянии и доходах.

Возникновение военного королевства Дагомея относится к началу семнадцатого столетия. В то время, когда Тах-ку-ду-ну, вождь Фохи, захватил нынешнюю столицу, соединённые провинции Дагомея и Фохи составляли королевство едва ли больше английского графства Ратленд. Из этого центрального государства, лежащего на равном расстоянии от берегов Вольты и Нигера, выросла нынешняя военная и наиболее могущественная монархия Западной Африки. Со всех сторон завоевания расширяли её земли, поскольку каждая очередная ежегодная охота за рабами присоединяла то или иное соседнее государство, которое она обезлюживала в своём беспощадном продвижении. Если бы не эта система обезлюживания, завоевателям было бы трудно управлять обширными территориями, которые каждая ежегодная охота за рабами прибавляла к их королевству. Доход от продажи пленников является главной целью этих походов, а присоединение опустошённых стран — необходимым, но далеко не желательным следствием.

Дагомейские завоевания

Хотя по меньшей мере два столетия Дагомея была военным государством, лишь после узурпации нынешнего монарха, последовавшей из-за невоинственного характера его свергнутого брата, она поднялась до своей нынешней высоты как внушающий ужас угнетатель соседних народов. Действительно, при позднейших монархах пограничные государства Эйю, Анагу и Махи нередко успешно бросали вызов дагомейцам; но теперь, стоит соседнему народу разбогатеть, это считается достаточным оскорблением, чтобы двор Дагомеи немедленно объявил ему войну. Так произошло, что на северных и северо-восточных границах народы Эйю и Анагу почти полностью покорены, а страна захвачена вплоть до подножия той естественной и непроходимой границы, которую образуют высокие вершины Конгских гор. На западной и северо-западной стороне одна лишь Вольта отделяет Дагомею от её великой соперницы среди монархий Западной Африки — королевства Ашанти. Лишь время может обнаружить последствия для Африки того, что столь могущественные и честолюбивые народы разделены границей не более трудной, чем далеко не широкие и не непроходимые воды Вольты. Уже с той стороны аттахпамы и ахджаби были разбиты, хотя и не присоединены к быстро возрастающим владениям Дагомеи.

Абеа-Кеута, Лагос и Бенин

Если обратиться на восток, мы увидим, что на обширные провинции Йорибы смотрят с алчностью и уже предназначают их для опустошения, рабства и убийства; между тем многолюдный город Абеа-Кеута, место жительства многих сотен христиан и центр миссионерской деятельности в Бенинском заливе, уже намечен как сцена ближайшей охоты за рабами. Падение этого благородного и почти христианского города требует самого глубокого нашего внимания. Стоящий на реке, которая через лагуны выходит к морю у Лагоса, он, будь Лагос открыт для законной торговли, вскоре сделался бы главным торговым средоточием для Йорибы, Борну и всех прочих стран, лежащих близ берегов Нигера.

Сам Лагос имеет чрезвычайно важное значение как торговый порт благодаря своим связям со всеми странами Гвинеи. В настоящее время он печально известен как одно из величайших в Африке хранилищ рабов и по многим причинам, вероятно, останется таковым. Король Лагоса сам был рабом и, как узурпатор, целиком находится в руках своих покровителей — работорговцев, посадивших его на престол. На западе можно сказать, что лагуны соединяются с Вольтой, хотя в сухое время года недалеко от города Годомей, в пятнадцати милях от Уиды, песчаный перешеек разделяет лагуны Лагоса и Уиды. В эти лагуны впадает несколько судоходных рек, пока ещё плохо известных всем, кроме деятелей работорговли; на востоке же протоки Джо, по которым плавает водное население, называемое пиратами Джо, соединяют Лагос с Бенином и всей дельтой Нигера. Значение прекращения работорговли в Лагосе невозможно преувеличить. Форт на месте, ныне занятом рабскими бараками, предотвратил бы вывоз людей из многих рабопоставляющих народов внутренних областей Бенина, король которого теперь частично снабжает торговлю Лагоса при помощи людей Джо.

Из-за этого вопроса, а также семейной ревности Бенин разделён на два отдельных государства, Бенин и Варри; и вследствие роста законной торговли на реках Бенина и ссор в царской семье он, вероятно, ещё раз разделится. Уже давно царская семья Бенина, сделавшись слишком многочисленной и обременительной для государства, впервые разделилась; и одна её часть, переправившись через реку, поселилась в Варри, оставаясь зависимой от родительского государства и платя ему дань. Когда португальцы обосновались на реке, возникли большие неудобства из-за того, что пошлины взымали оба правительства. По их настоянию семья Варри сбросила ярмо и объявила это государство независимым от Бенина, а себя — господами реки и торговли, чем она и остаётся ныне. Когда семья Варри разрослась, одна из младших её ветвей основала город на протоке Джакво, соединяющей Лагос с рекой Бенин; а когда король Варри умер и его престол стал предметом спора, жители Джакво во главе со своим вождем Джибуффу сохраняли нейтралитет и, если ещё не сделали этого, объявят себя независимыми от нового государя Варри.

Несмотря на то что река Бенин формально открыта для законной торговли, ею также пользуются работорговцы Лагоса. Если бы было задумано нападение на Лагос, небольшие пароходы могли бы войти в реку Бенин и достигнуть Лагоса по протокам Джо.

Уида

Вернёмся к Дагомее. Единственный невольничий порт, действительно принадлежащий королевству, — Уида; но король притязает на берег и право посадки на суда и взымает дань с европейских торговцев в портах Порто-Ново и Бадагри на востоке и Попо на западе. Чтобы открыть дорогу от внутреннего королевства Дагомей к морю, было покорено несколько небольших народов, главным из которых был Ардра, чья столица Аллада существует до сих пор. Трудно, если не невозможно, определить действительные размеры королевства Дагомей.

Однако можно без большой ошибки принять их примерно за 180 миль с востока на запад и почти за 200 миль от морского побережья в Уиде до самой северной границы. На всей его территории населения далеко недостаточно для выгодного использования более чем одной трети земель; следовательно, его совершенно недостаточно для полного развития многочисленных источников богатства, которые дают плодородная почва и минеральные ресурсы страны.

ГЛАВА II

ДАГОМЕЙЦЫ И ИХ НРАВЫ

Большинство путешественников невольно поражается быстрому улучшению нравственности, которое и в варварских, и в цивилизованных странах отличает внутренние области страны по сравнению с её морскими портами. В последних и среди их кочующего населения безнравственность кажется врождённой, а привычки моряков всех наций и сословий в целом стремятся деморализовать общество, в которое случай на время их бросает. Они — перелётные птицы и искатели удовольствий и довольствуются тем, что пользуются всей свободой, какую предоставляет их временное пристанище. В Африке это особенно заметно; и, хотя жители внутренних областей идолопоклонники и крайне варварские люди, они вообще гораздо нравственнее полугцивилизованных и номинально христианизированных жителей морского побережья. В Уиде, дагомейском порту, личная развращённость работоторговцев уничтожила врождённые честность и целомудрие туземцев, и продажный взгляд женщин и распущенный, скрытный вид мужчин резко и болезненно контрастируют со скромностью первых и честностью и открытостью последних по мере того, как путешественник приближается к столице Дагомейского королевства.

Население Дагомеи

Хотя нравы и обычаи не изменились, королевство Дагомея значительно увеличилось и ныне является величайшей военной монархией Западной Африки. Ашанти посылает дань, а Йориба трепещет, когда Гезо объявляет свою охоту за рабами. Вследствие разорений, причиняемых опустошительными войнами, население королевства Дагомея не превышает 200 000 душ обоего пола; а Абомей, столица, насчитывает не более 30 000 жителей. Из всего населения не более 20 000 свободны, остальные — рабы. Постоянная армия насчитывает около 12 000 человек, и из них 5000 — амазонки. Когда король идёт на войну, всего он собирает около 24 000 мужчин и такое же число людей, обслуживающих обоз. Таким образом, в военном походе с ним движется почти 50 000 человек обоего пола, или четверть всего населения его королевства. Едва ли нужно говорить, что Дагомея находится под военным правлением и управлением и не имеет себе подобия в истории. Год здесь поэтому делится между войной и праздниками. Подданные являются на Великий праздник, Се-ке-а-хи, с подарками или данью. Если кто-либо не может присутствовать лично, он должен послать подарок сообразно своему рангу и притязаниям.

Ежегодные войны и охоты за рабами

В ноябре или декабре король начинает свои ежегодные войны. Три года подряд его народ просит его начать войну против определённого места; и он выступает в поход, скрывая до расстояния одного дневного перехода название или местоположение того пункта, против которого ведёт их. На обречённый город идут его войска, тогда как король, знать и царская семья остаются лагерем.

Нападение обычно совершается при дневном свете, и употребляются всевозможные хитрость, тайна и изобретательность, чтобы застать врага врасплох. Так в Океадоне в 1848 году один вождь стал изменником и на рассвете впустил дагомейцев. Они сделали ложное движение против Абеа-Кеуты, а ночью повернули назад к Океадону. На стороне, противоположной той,

с которой было произведено нападение, протекала быстрая река, и при переправе через неё многие утонули, а спаслись лишь немногие. Хотя сопротивления не было, все старики были обезглавлены на месте, тысячами, а сильных и молодых жителей города продали в рабство.

Нападение на аттахпамов

В начале 1840 года аттахпамы, зная о приближении дагомейцев, вывезли из своего города всё имущество вместе со всеми стариками, молодёжью и женщинами. К несчастью, приготовления дагомейцев навели ужас на солдат аттахпамов, которые, зная свою судьбу в случае поражения, за исключением приблизительно 400 человек бежали из города. И всё же эти 400 решительных мужчин удерживали дагомейцев, убили многих, обратили мужскую часть войска в бегство и, если бы не возвращение амазонок в бой, разгромили бы дагомейскую армию. Если бы аттахпамы остались на месте, они без труда победили бы беспощадных захватчиков.

После уничтожения города всем соседним кабуссирам, или вождям, посылают извещение с требованием присягнуть завоевателю. Многие делают это немедленно и получают свой прежний ранг, но к ним приставляют равного по положению дагомейца в качестве помощника; остальных преследуют, пока они не покорятся.

Ежегодные обычаи-празднества

По возвращении с войны в январе король живёт в Канна и совершает то, что называется «делать фетиш», то есть приносит многочисленные жертвы и щедро одаривает служителей фетиша, а одновременно покупает у своих солдат пленников и головы: рабов затем продают работоторговцам, а кровавые деньги растрачивают во время последующего Обычая, Хваэ-нуихва, как на дагомейском наречии называется великий ежегодный праздник.

Из этих Обычаев важнейший проводится в марте и называется Се-ке-а-хи, во время которого богатство короля выставляется с большой пышностью и первое описание которого, когда-либо данное миру, содержится в одном из следующих дневников. Праздник, происходящий в мае и июне, посвящён Торговле и сопровождается музыкой, танцами и пением. Небольшую шхуну на колёсах, нагруженную подарками, тогда возят вокруг столицы, после чего дагомейская армия наперегонки растаскивает груз.

Королевский салют

В июле, в назначенный день, солдат расставляют вдоль дороги от Абомея до берега в Уиде, на расстоянии девяноста миль. В тот момент, когда король пьёт, известие об этом первом выстреле королевского салюта в Абомее передаётся мушкетными выстрелами до Аллады, откуда первый выстрел тамошнего салюта таким же образом по звуку передаётся на берег в Уиде, как салют Фетишу Великих Вод, или Богу Внешней Торговли. Грохот первого выстрела, произведённого иностранными фортами в Уиде, эхом возвращается через Алладу в Абомей, откуда ещё один салют завершает этот необыкновенный Обычай. Август и сентябрь заняты приготовлениями к войне, раздачей пороха, пуль или ружейных камней, то есть небольших железных камней, и многочисленными палаверами на военные темы. Перед походом король совершает Обычай в память своего отца, который обычно продолжается месяц; так заканчивается год, удерживая народ в лихорадочном возбуждении — среди танцев, пения, речей, стрельбы и отсечения голов; тем самым всё более развращая нравы народа, уже и без того принадлежащего к самым варварским народам Африки.

Происхождение дагомейцев

Как ни странно и противоречиво это звучит, этот великий народ на самом деле не народ, а разбойничья шайка, и чистокровных дагомейцев очень мало. На принадлежность к этой расе могут претендовать царская семья и знать; но даже они не чистого происхождения, поскольку гаремы всех пополняются плодами войны. В этом военном государстве офицеры — уроженцы страны, а солдаты — чужеземцы, военнопленные или купленные рабы. К востоку от Абомея всё до страны Ахджахи представляет пустошь; она ещё не покорена, но ей угрожают и уже однажды требовали войны против неё, поводом послужило то, что она дала убежище аттахпамам. В направлении Аттахпама, то есть на северо-восток, у Дагомеи нет территории. На западе Катув является владением, приобретённым не завоеванием, а соглашением. Народ хотел войны, и король согласился; но служители фетиша объявили, что, если будет начата война против Кату, король погибнет: король послал вождям большие подарки, и Катув добровольно подчинился.

На севере провинции Анагу отчасти опустошены, но всё ещё населены. На северо-западе Эйю и Махи всё ещё являются большими народами под дагомейским ярмом. На юге несколько народов были покорены, чтобы открыть дорогу от столицы к порту Уида. Порто-Ново принадлежит собственному королю этого места, а Бадагри находится под властью туземного вождя; однако король Дагомеи притязает на берег обоих этих мест и совершал военные набеги до последнего.

Охоты за рабами

Война ведётся ежегодно, или, вернее, ежегодно предпринимается охота за рабами, чтобы снабдить средствами королевскую казну. Король утверждает, что никогда не воюет ни с одной страной, которая его не оскорбила, или пока народ не попросит его об этом трижды — мистическое число. Океадон составляет исключение. Нынешняя причина жалобы против Абеа-Кеуты состоит в том, что во время войны с Океадоном её жители сделали вылазку и захватили полк амазонок, генерала и зонт. Грейгви, или Уида, была захвачена, по официальной причине, за продажу дагомейцам мушкетов без замков, но в действительности потому, что им требовался порт для внешней торговли. Эйю, Аттахпам, Йориба, Анагу и Махи, все более или менее покорённые, прежде воевали против Дагомеи.

Промышленность и земледелие не поощряются. Напротив, король понимает, что, если бы люди однажды обрели домашние радости, пользу здоровья и семейное счастье, у него не нашлось бы добровольцев для ежегодных охот за рабами. До сих пор путь к богатству заключался в количестве вассалов, которых знатный человек или вождь мог послать на войну. Их кормят и частично одевают, но они не получают жалованья, кроме добычи, за которую борются на Обычаях. Пленников и головы у них покупают, а офицеры, сообразно тому, как они проявили себя на войне, получают королевские милости.

Миган и майю

Король возбуждает усердие своих вождей и создаёт соперничество даже между высшими из них. Так, миган и майю могут быть призваны для принесения быка в жертву своим людям. Майю требует голову, миган требует её по праву должности; майю хвалится, что выставляет больше солдат, которые убивают больше врагов на войне; и король разрешает ему оставить голову себе. Если солдат ведёт себя как трус или, что считается равносильным, не берёт ни пленника, ни головы, король предлагает ему подарок на Обычаях; те, кто действовал хорошо,

обвиняют его и, если их обвинение доказано, требуют подарок себе, а подтверждённое таким образом обвинение немедленно влечёт последствия.

Фактически первым человеком в королевстве является миган, который служит главным палачом; вторым — майо, или великий визирь: существуют также женщина-миган и женщина-майо, исполняющие соответствующие обязанности в гареме.

При монархе каждый ранг имеет четыре соответствия: так миган и майо уравнивают власть друг друга; их помощники в гареме также равны им по рангу. Народ разделён на две партии — партию мигана и партию майо, правую и левую. На войне солдаты мигана соединяются с амазонками мигана и таким образом образуют правый, или передовой, батальон.

Амазонки

Считается, что амазонки не должны выходить замуж, и, по их собственным словам, они изменили свой пол. «Мы мужчины, — говорят они, — а не женщины». Все одеваются одинаково, питаются одинаково, и мужчины и женщины соперничают между собой: что делают мужчины, амазонки постараются превзойти. Все они очень заботятся о своём оружии, полируют стволы и, кроме времени службы, держат его в чехлах. Во дворце нет караула, кроме тех случаев, когда король появляется публично, и тогда отряд амазонок охраняет его особу, а на смотре его охраняют мужчины; но снаружи дворца всегда находится сильный отряд мужчин, готовый к службе. Амазонки живут в казармах внутри дворцовой ограды и находятся под присмотром евнухов и камбуди, или казначея. В каждом их действии, и у мужчин, и у женщин, встречается какое-либо напоминание об отсечении голов. В их танцах — а солдат и амазонка обязаны быть искусными танцорами — с широко раскрытыми глазами правая рука некоторое время движется как пила, будто перерезая шею кругом, после чего в дело вступают обе руки, и поворот, как предполагается, завершает кровавое действие.

Придворные обычаи

В присутствии короля никто, какого бы ранга он ни был, не освобождается от падения ниц и посыпания головы землёй, кроме белых людей и определённого класса колдунов, которые назначают жертвы для отвращения эпидемий и других бедствий: эти люди носят шляпы и лишь кланяются трону. Освобождённые африканцы и возвратившиеся рабы считаются белыми людьми; и тогда как министры короля лежат расprostёртыми в пыли, они только кланяются.

В присутствии короля курить могут только белые; и в пределах дворца или больших домов Фетиша только белые могут оставаться с покрытой головой, и никто не может ехать в гамаке или верхом либо укрываться зонтом без разрешения короля. Если показывают королевский жезл, все склоняются и целуют пыль, кроме его носителя, который от этого освобождён.

Приветствия

При входе в город или дом главный человек предлагает незнакомцу чистую воду, которую сначала пьёт сам; это равносильно обещанию безопасности. Каждое утро принято обмениваться приветствиями посредством жезлов, печатей или иных предметов *wirti*, которые могут служить знаком личности их владельца; и каждый носитель жезла получает стакан рома!

Королевские жёны

Королевские жёны и их рабыни, как я полагаю, вследствие ревности их деспотического господина, считаются слишком священными, чтобы мужчина мог на них смотреть; и при

встрече с какой-либо из этих чернокожих красавиц на дороге колокольчик предупреждает путника, чтобы тот свернул с пути или встал у стены, пока они проходят. У короля тысячи жён, у знатных людей — сотни, у других — десятки, тогда как солдат не в состоянии содержать и одной. Если одна из жён короля или высшего сановника совершит прелюбодеяние, виновных немедленно обезглавливают; и череп одной из жён Агау в настоящее время выставлен на площади дворца Агримгомех в Абомее. Но если прелюбодеяние совершают люди более низкого ранга, их продают в рабство.

Браки

Если мужчина соблазняет девушку, закон обязывает его жениться на ней и уплатить родителю или хозяину восемьдесят «голов» каури, под страхом самому стать рабом. При браке нет никакой церемонии, кроме случая, когда жену дарует король; тогда девушка подносит своему будущему господину стакан рома.

Законы и наказания

Законы чрезвычайно строги: измена, убийство, прелюбодеяние, трусость и кража караются смертью. Помимо формы суда, описанной далее в этом дневнике, кабуссиры во главе с Иавуганом образуют суд, решение которого подлежит королевскому утверждению. Если осуждённого приговаривают к смерти, его отводят к мигану ждать решения короля; если к рабству — к майо с той же целью. Любая глава города или округа может, распростершись и поцеловав землю, объявить королевский суд и судить обвиняемого; однако приговор должен быть приведён в исполнение в Абомее, и публичный глашатай объявляет его на рынке. Все ранги наследственны и переходят по первородству при условии согласия короля; если он не согласен, то назначает другого члена семьи. Наследование престола также основано на первородстве с согласия мигана и майо, которые в противном случае выбирают между несколькими ближайшими наследниками царствующей семьи.

Одежда и украшения

Одежда солдата и амазонки состоит из туники, коротких штанов и шапочки, всё единообразного образца. Обычная одежда дагомейцев — небольшая ткань вокруг бёдер и большая местная или иностранная ткань, либо шёлк и прочее, перекинутая через левое плечо, оставляющая правую руку и грудь открытыми и доходящая до щиколоток. Шляпы носят редко, обувь — никогда; король, однако, носит сандалии. Женщины носят ткань до колен, закреплённую под грудями и оставляющую их открытыми; с возрастом их груди свисают иногда на два фута и, поистине, отвратительны для европейского глаза. Сообразно рангу и богатству оба пола носят ножные и ручные браслеты из всех металлов и ожерелья из стекла, коралла и бус Попо.

Бусина Попо сделана из стекла, имеет около половины дюйма в длину и просверлена. Её выкапывают в стране, лежащей в глубине материка от Попо, и её невозможно подделать: все попытки до сих пор были разоблачены. Поэтому она очень дорога и продаётся за половину своего веса в золоте. Мне кажется наиболее вероятным, что там, где их находят, прежде стоял большой город, разрушенный войной, и что умершие, которых, как ныне принято в Дагомею и соседних областях, хоронили вместе с украшениями, подверглись воздействию некоторого химического свойства почвы, уничтожившего останки погребённых, но закалившего и слегка изменившего вид стеклянных бус. У туземцев существует предание, будто эти бусины — испражнения огромного змея, или дракона, которого, чтобы объяснить, почему его никогда не видят, всякий увидевший человек умирает.

Дома, обстановка и пища

Дагомейские дома, от дворца до фермы, все устроены одинаково. Стены из глины или пальмовых ветвей, в зависимости от числа обитателей, окружают дворы и дома всевозможных размеров, сделанные из глины и крытые травой.

Бамбуковая кровать или несколько циновок, несколько местных горшков и земледельческих орудий, оружие, грубый ткацкий станок и, если хозяин кабуссир или глава, знаки его должности — вот и вся мебель. В каждом доме имеется кладовая, где, сообразно богатству владельца, хранятся ткани, зерно, иностранные товары и прочее. Внутри ограды находятся все домашние животные и неизменно собака. Пища проста и состоит главным образом из мясных и овощных кушаний, смешанных с пальмовым маслом и перцем, к которым едят кукурузную лепёшку, называемую канки, или даб-а-даб. Разнообразия очень мало. Смесь бобов, перца и пальмового масла превращают в лепёшку и продают путешественникам; ямс и кассава составляют основную пищу. Иностранные напитки редки и дороги; а поскольку пальмовое вино запрещено королём, главные напитки — весьма приятный солодовый напиток, называемый питто, и нечто вроде жидкой каши, называемое ах-ка-сар. Пьянство не допускается, да, кроме Уиды, для него почти нет и возможности. В качестве публичного примера король держал пьяницу, кормил его ромом и показывал на Обычаях, чтобы его истощённый и отвратительный вид удерживал народ от превращения себя в скотов: этот ужасный пример ныне умер.

Земледелие

В земледелии их знания развиты, но сами они чрезвычайно ленивы и обрабатывают лишь десятую часть земли. Кукурузу и бобы сажают вперемишку; а землю, хотя она и плодородна, сильно удобряют. На пальмовых плантациях также сажают кукурузу, ямс и земляные орехи. Одним словом, на тех небольших участках, которые находятся под обработкой, они соперничают с китайцами. Земледельческие орудия обоих народов, за исключением плуга, сходны; но хотя дагомейцам, как и трудолюбивым китайцам, недостаёт энергии, чтобы ниспровергнуть дурную традиционную систему, по трудолюбию и прилежанию они далеко уступают китайцам. В окрестностях Абомея, в отличие от остальной Африки, мужчины работают в поле, а женщины заняты только переноской воды.

Королевская пальмовая плантация

Уже начато дело, которое, если распространить его повсеместно, вскоре положило бы конец внешней торговле рабами. Близ Абомея находится королевская плантация пальм, кукурузы и прочего, называемая Леффле-фу. Её населяют выходцы из провинции Анагу, военнопленные, и она находится под управлением дагомейского кабуссира. Дары природы здесь обильны, почва богата и способна производить всякую растительную продукцию. Местными являются пальма, дерево ши и хлопок, причём последний многолетний и не культивируется, множество прекрасного строевого леса и много лекарственных трав и плодов; на поверхность выходят гранит, железняк и песчаники, конгломерат и мел.

Язык

Дагомейский язык груб и гортанен, беден и плохо выражает мысли посредством метафор и притч; письменности не существует.

Религия. Фетиши

Религия Дагомеи — тайна, известная только посвящённым. Ежедневного богослужения нет, но существуют периоды, когда мужчины и женщины — служители Фетиша — танцуют. Посвящённые обладают большой властью и много требуют взамен. Есть пословица, что бедных никогда не посвящают. Фетиш Абомея — леопард, фетиш Уиды — змея. Человеческие жертвоприношения во время Се-ке-а-хи совершаются не непобедимому богу «Сех» и не Фетишу «Вох-донг», а развращённым аппетитам солдат. На Обычаях в Канна приносят жертвы Вох-донгу; а на Се-ке-а-хи — манам предков; дагомейцы, подобно ученикам Конфуция, ожидают от умерших предков благословений в этой жизни и в мире грядущем. Частные жертвоприношения совершаются круглый год. Если умирает богатый человек, мальчика и девочку приносят в жертву, чтобы они сопровождали его в ином мире. Так, когда умер да Соуза, мальчика и девочку обезглавили и похоронили вместе с ним, кроме того, на берегу в Уиде были принесены в жертву три мужчины. На всех Обычаях бывают человеческие жертвоприношения, хотя число их сильно уменьшилось. В этом году, 1849-м, на Обычаях принесли в жертву 32 человека, в прошлом году — 240. Дай Бог, чтобы они вскоре увидели заблуждение своих путей!

До сих пор религиозная терпимость в Дагомею распространялась только на последователей Магомета, для которых есть мечеть в Абомее и ещё одна в Уиде, с несколькими муллами из Хауссы и Борну.

Освобождённые рабы

Единственный акт милости при ближайшем рассмотрении оказывается разновидностью рабства. Освобождённого африканца из Баии или Сьерра-Леоне принимают в Уиде наравне с белым человеком, но если он пытается двигаться дальше, на него надевают оковы; он не смеет покинуть столицу даже для возвращения к месту своего рождения и не смеет даже посетить Се-ке-а-хи, если не принесёт подарок, соответствующий его положению.

Древние правила

Существуют определённые древние правила, которым необходимо подчиняться под страхом тюрьмы, рабства или смерти; однако нынешний король редко предаёт смерти собственных подданных или позволяет иностранцам обращать их в рабство. Согласно этим правилам ни один человек не должен изменять устройство своего дома, сидеть на стуле, ехать в гамаке или пить из стакана.

Вымогательство посредством подарков

Путешественников в Дагомею часто сильно обманывает национальный обычай не назначать платы ни за услугу, ни за предмет, а ожидать взамен подарка. Лишь спустя некоторое время можно определить ценность предмета или услуги, причём каждый слуга имеет собственное представление о достаточной величине подарка. Всегда ожидая большего, он не называет цены: если путешественник даст меньше, он не возьмёт; если достаточно, он не будет удовлетворён; а если больше, чужеземец сам установил цену своего пребывания — она уже никогда не будет уменьшена.

Должности

Ни одна государственная должность не оплачивается, и, хотя должности наследственны, их носители подвергаются усиленному надзору. В доме каждого министра живут дочь короля и два чиновника: они наблюдают за торговлей министра, с которой он платит дань в соответствии с их отчётом. Если возникает спор, затрагивающий интересы короля, эти чиновники докладывают непосредственно ему; а если спор серьёзный, министра арестовывают или штрафуют. Вся система основана на шпионаже, хитрости и интриге; и ни один человек не может быть уверен, что его голова останется на плечах ещё двадцать четыре часа.

Налоги и их сборщики

Налоги тяжелы для всех и отданы на откуп сборщикам. Держатели Обычаев имеют сборщиков на всех рынках, которые получают определённое число каури соответственно стоимости товаров, принесённых для продажи. Помимо них, сборщики находятся на всех общественных дорогах, ведущих из одного округа в другой, и на лагуне по обе стороны от Уиды; словом, облагается налогом всё, и налог идёт королю.

Если петух закричит на большой дороге, он конфискуется сборщиком налогов, и вследствие этого на всём расстоянии от Абомея до Уиды петухам завязывают клювы. На лагуне и общественных дорогах имеются заставы, где требуют таможенную пошлину. Эти сборы вместе с ежегодными подарками на Обычаях, десятиной пальмового масла в размере одного галлона из восемнадцати и пошлинами на внешнюю торговлю составляют законный доход Его Дагомейского Величества.

Деньги

Денежной единицей Дагомейского королевства служит раковина каури, из которых 2000 считаются одной «головой», имеющей номинальную стоимость в один доллар. Однако металлическая монета столь редка, что при обмене серебряный доллар охотно принимают за 2400–2600 каури; и другие металлы, как менее, так и более ценные, свободно принимаются при обмене. Эта редкость металлических денег создаёт хорошую возможность для торговли слитками в Уиде, следствием которой не могло бы не стать существенное сдерживание развития работорговли.

Жизнь в Дагомее

Повседневную жизнь дагомейца описать было бы трудно, поскольку она зависит от прихоти государя. Если человек унаследовал трудолюбивые привычки, он должен проявлять большую осторожность в их развитии, чтобы не навлечь подозрение правительства. Если без дозволения короля он вводит в обработку больше земли или каким-либо образом способствует обогащению своей семьи, он ставит под угрозу не только своё состояние, но и собственную жизнь и жизнь своей семьи: вместо того чтобы стать состоятельным человеком и главой семейства, он осуждается на рабство и, служа Его Величеству или его министрам, против своей воли помогает поддерживать законы, которые его разорили, причём единственная альтернатива — смерть.

Прекращение работорговли, несомненно, способствовало бы изменению такого несчастного положения дел; но подлинным разрушителем столь грубых зол стало бы развитие цивилизации — обучение ума посредством просвещения, которое даёт религиозное образование.

В повседневной жизни всех варварских народов существует большое сходство; обычно правитель обладает верховной властью и определяет обычаи, которыми при государе управляются дикие народы. Все чёрные народы, наряду со многими менее варварскими, например китайцами и малайцами, говоря об органе человеческого разума, полагают, что разум и мудрость исходят из живота.

В этом не так много оснований для удивления, как обычно думают: у дикого человека занятия дня регулируются аппетитом, и им управляет состояние его желудка. Необразованный чернокожий смотрит на еду и питьё как на неизбежные бедствия, которым приходится подчиняться; и, удовлетворяя муки голода и жажды, принимает лишь столько, сколько достаточно для поддержания жизни и получения необходимой силы, чтобы исполнять свои обязанности. Эти первобытные привычки сильно страдают по мере общего наступления цивилизации и смешения с европейцами; если против этого особо не предохраняться, роскошь опьянения совершенно губит несчастного варвара и, как случилось с индейцами Северной Америки, вероятно, могла бы истребить коренных жителей Африки одновременно с продвижением цивилизации.

Измерение времени

Хотя в течение дня время в значительной степени измеряется требованиями желудка, я не хочу сказать, что постоянное ощущение регулярности солнца не убеждает негра в том, что оно отмечает части дня; и поскольку в Африке его восход и закат обычно регулярны, для времени почти не требовалось бы иных мер, если бы не то, что шесть месяцев в году, в сезон дождей, оно обычно скрыто большую часть дня. У воинственных племён есть странный способ определять время ночью, и обычно он применяется весьма точно. У каждых ворот окружённого частоколом города стоит часовая, которому дают кучку камней, точное число которых заранее известно. Ночь делится на четыре стражи; в течение каждой стражи часовая переносит камни один за другим с размеренной скоростью от одних ворот к другим, вслух отмечая каждый десятый перенесённый камень: когда все перенесены, караул сменяется.

Городская стража

Обнесённые стенами города охраняются особенно бдительно, и помимо часовых и собак нередко город поручают защите фетиша или талисмана определённого рода и божества. Самый полезный из таких, который мне встретился, находился в окружённом частоколом городе Иомикви. В более лёгких частях бамбукового частокола тысячи маленьких пальмовых птиц, очень домашних птичек из семейства воробьиных и чрезвычайно шумных, устроили свои гнёзда. Старый вождь с торжеством сказал мне, что война не осмелится прийти; ибо, если она придёт, о ней возвестят тысячи этих фетишей, и весь город в тот же миг возьмётся за оружие для своей защиты. Как их более крупные пернатые собратья, римские гуси, спасли Капитолий, так и пальмовые птицы могут спасти Иомикви своими резкими и нестройными криками.

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИК МИССИИ КО ДВОРУ ДАГОМЕИ

В октябре и ноябре 1849 года

ЧАСТЬ I

ОТ УИДЫ ДО АБОМЕЯ

3–16 октября

Осенью 1849 года покойный мистер Дункан, предприимчивый путешественник по Африке, прибыл на это побережье, получив назначение вице-консулом в королевство Дагомея, и по просьбе дагомейского короля обратился к тогдашнему главнокомандующему блокадной эскадрой с просьбой предоставить морского офицера, который сопровождал бы его в миссии в Абомей. В инструкциях, которые я получил при назначении на эту миссию морским командованием, выражались большие надежды на то, что дагомейского короля удастся убедить согласиться на договор о действенном прекращении работорговли в его владениях. Когда 2 октября я прибыл к Уиде на «Bonetta», я тотчас получил доказательство того, с каким немалым страхом работорговцы ожидали нашу миссию, узнав от капитана Херви, старшего офицера на станции, о трудностях, которые он испытывал, пытаясь связаться с моим коллегой, вице-консулом. За несколько дней до моего прибытия капитан Херви, желая известить мистера Дункана о моём назначении, приказал лейтенанту Гамильтону высадиться с депешами. Приблизившись к берегу на шлюпке корабля Её Величества «Kingfisher», этот офицер пересел в каноэ, после чего вся команда заявила, что, если он останется, они выпрыгнут за борт и поплывут к берегу; в конце концов сообщение было передано посредством небольшого бочонка, отпущенного через прибой. Подойдя к задней линии прибоя, я послал трёх круменов к берегу в своём каноэ кру, чтобы точно выяснить его состояние; но на обратном пути каноэ разбило в щепки, а круменам удалось снова выбраться на берег.

Опасная высадка в Уиде

4 октября. Одолжив каноэ кру капитана Херви, на рассвете я вошёл в него за линией прибоя, хотя прибой всё ещё был очень высоким, но едва мы поднялись на гребень первой волны, как нас опрокинуло, и я вместе с тремя гребцами, Джеком Смартом, Томом Уокером и Беном Коффи, немедленно поплыл от лодки и после немалых трудностей и опасности благополучно выбрался на берег. Чернокожие, в большом числе собравшиеся посмотреть на этот новый способ высадки, оказали всю помощь, какая была в их силах; и, завернувшись в местную ткань и выпив стакан неразбавленного рома, я отправил посыльного в Уиду известить мистера Дункана о своём прибытии.

Противодействие нашему продвижению

Вскоре прибыл вице-консул и объяснил, что уже побывал у короля. Однако вследствие необычайного сопротивления, проявленного работорговцами и другими лицами, и чтобы исполнить всякую просьбу, сделанную королём, он не мог не желать, чтобы я продолжил миссию, и согласился сопровождать меня. При высадке мистера Дункана приняли хорошо, а при дворе обращались с ним почётно; но после его возвращения какая-то неизвестная причина изменила положение дел: на него стали смотреть с подозрением и причиняли ему все неприятности, какие были во власти его преследователей.

Приём в Уиде

Когда гамаки были приготовлены, мы отправились в город Уида, лежащий примерно в полутора милях от берега, где у каждого крупного фактора имеется временный склад. Песчаный перешеек отделяет море от лагуны, шириной около четверти мили, а за ним дорога проходит через болото. Месье Бланкли, агент марсельского торгового дома, пригласил мистера Дункана и меня к обеду. Когда мы прибыли во французский форт, по распоряжению агента был дан салют.

Первый визит к вице-королю

5 октября. Сегодня утром, отправившись к берегу, я обнаружил, что мой багаж высажен каное французских агентов. Вернувшись после этой необходимой предварительной заботы, я посетил вице-короля, которого нашёл во дворе, в центре большой ограды с бесчисленными хижинами; он сидел на циновке, а перед ним для нас стояло несколько старых стульев; вместе со мной присутствовали французский агент и, по желанию вице-короля, агент британского форта.

Вице-король Уиды, или И-а-ву-ган, то есть министр по делам белых людей, — высокий, чрезмерно тучный чернокожий с весёлым, тяжёлым выражением лица. На нём была большая английская хлопчатобумажная ткань вокруг бёдер — единственная его одежда; на шее висели нити коралловых и других бус, а на запястьях — железные браслеты.

Второй визит к вице-королю

6 октября. В девять часов утра вице-король прислал просить меня посетить его и объяснить мои намерения. Прибыв, мистер Дункан и я были проведены в небольшую комнату, и на этот раз мы взяли умелого переводчика, «Чёрного губернатора, назначенного королём к английскому форту». Вице-король был в особенно хорошем расположении духа. Объяснив ему, что я везу письмо королю от морского главнокомандующего, я передал ему перстень-печать; он отправил с ним посыльного в Абомей и предложил нам чистую воду и ликёры, после чего беседа завершилась обменом любезностями.

7 октября. Этим вечером маленькое представление разыграл бразильский работорговец, пришедший объяснить нам, что его обвиняют в передаче сведений военным кораблям; увидев, что ничто иное не действует, я безоговорочно приказал ему покинуть форт.

Торжественный визит вице-короля

8 октября. Вице-король нанёс торжественный визит. Перед ним шли около сорока солдат, вооружённых мушкетами; затем несли его должностной табурет и два знамени; потом ехал верхом И-а-ву-ган, поддерживаемый двумя слугами, а следом двигался оркестр нестройной музыки. Он был одет в очень красивую местную ткань, а на руках носил серебряные наручи от запястья до локтя, с рельефными изображениями английского льва и голов Георга Третьего и его королевы. Едва он вошёл во двор, как приказал солдатам салютовать мне, ведя во время всей встречи беспорядочную стрельбу. Разговор состоял исключительно из любезностей; выпив вина, ликёра и пива, он откланялся. По обычаю страны я проводил гостя некоторое расстояние по дороге.

Обычаи в память да Соузы

Хотя да Соуза умер в мае, Обычаи в его память ещё не закончились, и город всё ещё пребывает в возбуждении. Триста амазонок ежедневно находятся на площади, стреляют и танцуют; процессии слуг фетиша проходят по улицам, неся впереди на шестах живых цесарок, кур, уток, коз, голубей и свиней, предназначенных для жертвоприношения. Ром раздают в больших количествах, а всю ночь продолжают крики, стрельба и танцы.

9 октября. Нас посетил один из работорговцев, уроженец Мадейры. Пока я разговаривал с ним у окна форта, мимо прошли несколько человек из команды захваченного невольничьего судна и стали чрезвычайно ругаться; их внимание привлёк крумен, взобравшийся на флагшток, чтобы высматривать корабль Её Величества «Kingfisher».

Процессия вождей навстречу работорговцам

10 октября. В городе царило большое возбуждение не только из-за продолжающегося Обычая в память да Соузы, но и потому, что кабуссиры вышли встречать суперкарго невольничьего судна, высадившегося сегодня. Процессия была отнюдь не лишена живописности. Сначала шли младшие кабуссиры во главе со своими вооружёнными вассалами, знаками отличия и знамёнами; за каждым следовал оркестр, сам кабуссир ехал верхом под огромным зонтом; последним ехал вице-король. За исключением богатства одежды и украшений и удобства паланкинов, это в точности этикет китайской чиновничьей процессии. После многочисленных выстрелов они направились к большому дереву-фетишу; совершив церемонию, разошлись по домам.

Послание от короля

Вечером из Абомея вернулся посыльный, и с ним пришёл главный человек вице-короля. Войдя в зал, они распростёрлись и поцеловали землю, после чего передали мне малакскую трость с золотым набалдашником, объяснив, что это моя защита, и добавив, что Его Величество повелевает мистеру Дункану и мне отправиться в Абомей при первой возможности. Наградив посыльного, я отпустил его, а мы стали обдумывать приготовления.

Приготовление к путешествию

11 октября. Мы приготовились к путешествию, купив пятьдесят «голов» каури стоимостью в пятьдесят долларов. В каждой «голове» 2000 каури, и десять «голов» составляют груз для одной женщины. Таким образом, чтобы нести пятьдесят долларов, нам пришлось нанять пять женщин! Затем мы купили пятьдесят галлонов рома, разлитых по двадцати бочонкам, для переноски которых потребовалось десять женщин. Два куска шёлка в подарок королю и несколько тканей для его министров завершили наши покупки. Мы наняли двадцать шесть носильщиков гамаков и шестнадцать мужчин и двадцать женщин для переноски багажа. Эти люди получают то, что называется «содержанием», — две нити каури, то есть восемьдесят штук, в день, а по окончании работы, в зависимости от того, как они трудились, им дают подарок. Моей дорожной одеждой в Африке всегда служили фланелевая блуза и штаны и соломенная шляпа. Небольшое количество камфоры в мешочке и несколько кусочков в гусяном пере, чтобы класть в рот при переходе через болото, если только рот уже не занят одной из неизменного запаса сигар, завершали мои припасы. Походный ящик содержал всё необходимое для обеда и чая на двоих; имелся также футляр для ликёров со стеклянной посудой. В гамаке, кото-

рый двое мужчин несут на головах посредством шеста, находились подушка, смена одежды, книга и немного лаймового сока; кроме того, у нас были походная кровать, два походных табурета и деньги в местной валюте. Нас посетил Исидор, старший сын покойного да Соузы.

Начало путешествия

12 октября. Закончив все приготовления и отправив багаж вперёд, в час дня мы выступили. Согласно этикету нам пришлось зайти к вице-королю, который попросил показать жезл короля. Получив его, он распростёрся и поцеловал пыль, затем вернул его и сказал мне, что жезл сам по себе является достаточной защитой, но в качестве дополнительного сопровождения он даёт мне свою «руку и ногу», своего главного человека Нарви, которого, как я впоследствии убедился и как покажут последующие дневники, следует считать величайшим негодяем из всех, кого я когда-либо встречал. Затем он спросил, желаю ли я, чтобы упомянутый ранее чернокожий переводчик, мистер ____, сопровождал меня. Я ответил: нет; это всем известный шпион Доминго Мартинса и крайне неподходящий спутник; он никогда не просил меня взять его, но, когда я уже сидел в гамаке и покидал форт, сообщил, что едет в Абомей; на это я ответил, что со мной он не поедет.

Мадики, комендант

Кроме мистера Дункана и меня, в гамаках ехал переводчик Марк Лемон. Марк Лемон — внук английского капрала форта времён губернатора Джеймса и ныне комендант на службе короля Дагомеи. Время изменило его имя; «Лемон» слышно редко, а «Марк» дагомеизировался в «Мадики»: бедный простодушный человек, почитающий короля Дагомеи почти как бога.

Сави

Мы шли по плоской местности, покрытой травой, которую в соответствующий сезон выжигают и засевают кукурузой, среди редких плантаций масличных пальм, и через пять миль во время грозы остановились в городе Сави. Этот город прежде был столицей королевства Грейгви и центром торговли; сто пятьдесят лет назад здесь находились иностранные форты, впоследствии перенесённые в Уиду. Говоря о городах, не следует представлять, будто их пересекают улицы или украшают общественные здания. Кроме королевской резиденции, все здания сходны; группа оград, в зависимости от занимаемой площади, образует город, местечко или деревню. У Сави есть одна особенность: в Уиде все дома глиняные, а в Сави они сложены из пальмовых ветвей и очень низки.

Как только торнадо миновал, мы отправились дальше, к Тори, ещё на пять миль, через хорошо поросшую лесом страну. В Тори каждый четвёртый день проходит большая ярмарка, где товары меняют и отправляют во внутренние области. Город невелик и не имеет заметных особенностей. У Нарви там большая ферма, где мы заночевали.

Тори

Каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что мой чернокожий приятель, мистер ____, *прибыл прежде меня и теперь с шутливой услужливостью помогал мне выбраться из гамака. Позвав Нарви, я объяснил ему, что завтра отправлюсь в шесть утра, а мистер* может идти в пять или в семь, но не со мной, и что, если он попытается присоединиться, я силой удалю его из своей партии. Этот человек сопровождал мистера Кру-

икшанкса в его миссии и, как сообщил мне мой переводчик, который также там находился, каждую ночь переписывался с да Соузой, знаменитым работорговцем.

Азохви

13 октября. После выхода из Тори местность становится более открытой, пока примерно через пять миль не достигаешь деревни Азохви, окружённой лесом гигантских деревьев, полным обезьян всех размеров. По причуде природы отсутствие в этом лесу всяких птиц возмещалось тысячами бабочек всех цветов, чрезвычайно приятных для глаза, тогда как воздух был напоён ароматом тысячи цветов, столь же прекрасных, сколь благоуханных.

Аллада

В полдень мы вошли в Алладу, город в двадцати четырёх милях от Уиды, где имеется дворец: его стена образует квадрат примерно в полторы мили и заключает множество домов, из которых только один, стоящий над воротами, имеет два этажа. Здесь я почувствовал, что действительно вступил в королевство Дагомея. Над дворцовой стеной виднелся череп человека, который из чрезмерного любопытства пожелал вкушать наслаждений скрытых за ней тайн и теперь служит страшным предостережением сладострастникам. На дворцовой площади стояли несколько прекрасных лесных деревьев, а ряд небольших деревьев в центре нёс каждое человеческий череп и нижнюю челюсть; три дерева, стоявшие отдельно от остальных, несли выбеленные останки трёх братьев, историю которых рассказывают так.

Что примечательно для Африки, где существует множество жён, все три брата родились от одного отца и одной матери. Когда король Дагомеи воевал с Грейгви, давным-давно, одного из этих братьев нашли на дороге слегка раненым и обезглавили в назидание другим. Этот акт тирании так возмутил братьев, что они потребовали либо смерти, либо освобождения от службы и получили первое. В качестве военного примера их черепа белеют на солнце, а историю рассказывает каждый мальчишка.

Дом камбуди

Каждый министр имеет в городе дом, и мы заняли дом казначея, камбуди. Это была одна оболочка, совершенно без мебели, со стенами сырыми и зелёными. С наступлением сумерек появились стаи летучих мышей-вампиров, почти затемнивших небо, и тучи грифов-индейников, настолько прожорливых и дерзких, что во дворе они едва не дрались с нашими слугами за внутренности птиц. Днём летучих мышей можно видеть висящими гроздьями на высоких хлопковых деревьях, где грифы-индейники сидят и отсыпаются после пресыщения, к которому приводят их деятельные обязанности санитаров города и окрестностей. Ни один клочок животных останков от них не ускользает, свежий ли он или уже кишасший насекомыми. Вечером жёны короля прислали нам в подарок суп с пальмовым маслом и даб-а-даб; в ответ мы послали царственным дамам немного рома.

Рынок Аллады

Рынок Аллады отнюдь не велик, но очень дешёв. Яйца продаются по четыреста за доллар; апельсины, растущие в огромном количестве, — по две тысячи за доллар; за ту же сумму можно купить восемь кур. Непосредственно возле города земля отлично возделана, но вскоре обработанные участки теряются среди леса и кустарника. При входе в Алладу находится боль-

шая расчищенная площадь, на которой стоят дома фетиша; при выходе из города видна батарея из пятнадцати орудий всех калибров, бесполезно лежащих на земле без лафетов.

Парковая местность

14 октября. В семь утра мы продолжили путь и шли по прекрасной волнистой местности, похожей на парк и усеянной великолепными деревьями: сикоморами в 130 футов высотой и огромными гигантскими хлопковыми деревьями, чьи массивные корни раскидываются более чем на сорок квадратных футов. Разнообразие цветов было замечательно и вместе с блестящей пестротой бабочек делало картину одновременно благоуханной и прекрасной. Тот, кто не путешествовал по Дагomee, не поверит в красоту её пейзажей. Африку обычно представляют как «дикую ширь безжизненного песка и неба» и не предполагают встретить здесь столь романтическую и прекрасную страну, где со всех сторон растут большие грозди винограда с грубой кожицей, но приятным вкусом.

Первой остановкой была деревня Дуноу, которая, хотя и невелика, имела большую кузницу, где «искусные люди» старательно изготовляли грубые мотыги. В Атугу, другой маленькой деревне, мы срубили дерево, намереваясь отправить его в Уиду в качестве флагштока для форта; затем, миновав справа деревню Ассегви, прибыли в город Хави, который мог похвастаться королевской резиденцией в весьма ветхом состоянии и большим домом фетиша, причудливо расписанным.

Лесная местность

Оставив справа деревню Того, мы вскоре вошли в город Выбагон, или Уигон, в пятидесяти милях от Уиды, и расположились в доме фетиша. Здесь каждая ферма имеет отдельный амбар, поднятый, как в Англии, на опорах; обработанная земля, как обычно, простирается лишь на небольшое расстояние вокруг каждого города или деревни. Дорогу украшают многочисленные заросли дикого ананаса и бананов. От этого города наш путь отклонился с севера на северо-восток, чтобы обойти большое непроходимое болото, из-за чего путь от побережья к Абомею удлинился на двадцать миль.

Отсутствие камня

15 октября. Мы выступили в семь утра и пошли через волнистую лесную местность, где впервые за всё путешествие появились камни. На протяжении пятидесяти миль от Уиды в глубь страны нельзя найти ни одного камешка. Почва на всём этом пространстве — плотный красный суглинок; даже в колодцах глубиной сто футов нет гальки, а гранит для жерновов и камни для толчения фу-фу доставляют из Конгских гор и несут на головах в Уиду примерно двести миль. Любой груз здесь носят на голове, и у людей почти нет представления о разделении нагрузки при подвешивании большого предмета. На пути мы встретили тысячи людей, несущих товары туда и обратно, и едва заметили хотя бы один случай использования ремней или перевязей для тяжёлых грузов.

Переход через большое болото

По мере продвижения железняк, песчаник и конгломерат попадались всё чаще, пока не исчезли в вязкой почве глубокого растительного болота в большом лесу, прежде бывшего руслом реки и почти не оставляющего сомнения в существовании под ним залежи угля. Такая страна словно предназначена для железнодорожного предприятия. Если уголь можно будет

добывать в достатке, здесь хватит леса на шпалы для всех *chemins de fer* мира и железной руды для любого вида машин. Земля способна производить всё без исключения. В соседнем Ашанти находят золото, и несомненно, что его следы можно обнаружить и здесь. В Конгских горах обычен кварц; алмазы и другие драгоценные камни могли бы вознаградить предприимчивость.

Хотя мы сделали большой обход, болото всё же не обошли полностью и пересекли несколько мягких участков, в центре которых находился рынок Масси, снабжающий путешественников всем необходимым. В деревне Тломи мы остановились на час; а по прибытии в Секве нас встретил посыльный короля, пришедший узнать, как мы перешли болото. В пять часов пополудни мы остановились на большом рынке Тру-бу-ду, в двадцати четырёх милях от Абомея, и заняли одну из торговых лавок. Поскольку это был не рыночный день, мистер Дункан застрелил несколько голубей, которые заменили нам кур.

Дичи вдоль всей дороги много. По пути мы слышали цесарок, лесных кур и куропадок. Леса изобилуют оленями, свиньями и обезьянами, а также хищными зверями — леопардами и волками. Патаку, как называют волков, всю ночь слышны в Абомее, Уиде и во всех городах нашего пути; но страх перед смертоносными кобрами, которых чрезвычайно много, удерживает туземца от охоты на волков в их диких убежищах, и он довольствуется ловлей их в большие квадратные ловушки, похожие на гигантские модели хитроумных маленьких приспособлений, которыми английские мальчики ловят воробьёв.

Прибытие в Канна

16 октября. В семь утра мы отправились в Канна-Мина, или Канна. На предыдущей части пути я отмечал отсутствие пернатых, кроме «полиции Дагомеи» — отвратительного грифа-индейника. Теперь же равнины Канна оживлены птицами с прекрасным и великолепным оперением, ярчайшего алого цвета.

«Гуще роятся яркие птицы; ибо рука Природы, Что в игривом тщеславии нарядила Пернатые племена, здесь щедро льёт Самые весёлые краски. Но, заставляя их сиять, Одетых всеми прекрасными лучами дня, Она, всё ещё бережливая, смиряет их в песне».

ТОМСОН.

О, если бы у меня был чучельник! Чем только не должен быть путешественник? И сколько он теряет, не изучив этих необходимых искусств? В половине девятого мы вошли в раскинувшийся прекрасный город Канна, перейдя милый ручей, расположенный в живописной роцце. Канна занимает около шести квадратных миль; в ней находятся четыре обширных дворца, а каждый дом имеет участок обработанной земли, отделяющий его от соседей. Здесь начинается широкая чистая дорога, не уже любой большой дороги в Англии, ведущая к Абомею; столь же хорошие боковые дороги подходят к дворцам. Рынок очень велик и, как все большие рынки Дагомеи, собирается раз в четыре дня.

В этом месте есть спокойствие, уносящее мысли далеко от Африки. Виды прекрасны; жилища чисты, опрятны и тихи. Множество стариков обоего пола говорит о мире; ибо, пока орды монарха и его знати несут войну и опустошение во все соседние страны, Канна, прежде столица Фая, тогда называвшаяся Дави, после завоевания Абомея сохраняла мир более двухсот лет. Обработка земель в окрестностях соперничает с китайской.

Все посетители останавливаются в Канна и извещают о своём прибытии через посыльных. Следуя этому обычаю, мы выбрали посыльного; Нарви распростёрся, затем принял наши жезлы, всего три, поскольку чернокожий губернатор посылал также свой, и, передав их посыльному, поручил ему передать королю наше приветствие. Вся наша партия, числом сто человек, прибыла, и мы заняли дом казначея. Как и в Алладе, он был без мебели и очень сыр. Вскоре после прибытия нам предложили чистую воду и прислали от королевских жён около ста фунтов пищи. Дворцы в Канна представляют собой огромные ограды, куда входят и где живут только

женщины — жёны, амазонки и рабыни короля. В стенах каждого имеются крытые входы, или ворота, у которых монарх принимает посетителей; стража наблюдает за входом и выходом обитателей. Днём наш посыльный вернулся с приказом подняться рано и ехать в Абомей, а вскоре вслед за ним прибыл жезл майо с приветствиями.

ЧАСТЬ II

АБОМЕЙ, ЕГО ДВОР И ЕГО ЖИТЕЛИ

Таким образом, менее чем за четыре дня мы завершили путь от побережья до места, откуда уже была видна столица Дагомеи. С немалым нетерпением я поднялся на самом раннем рассвете и, легко позавтракав, медленно отправился по широкой дороге, ведущей к воротам великого города. По обе стороны дороги стояло несколько небольших деревень, а земля была хорошо и обильно возделана. В изобилии росли масличные пальмы, кукуруза и бобы, а также множество благородных деревьев того необычного рода, из плодов которого туземцы приготавливают масло ши. Одно из этих деревьев особенно поразило меня густой листвой, похожей на вечнозелёный дуб, и обилием масляных орехов величиной с голубиное яйцо, покрытых приятной на вкус мякотью. По обе стороны большой дороги ответвляются пути к нескольким дворцам, в том числе к Бах-да-хунгу, резиденции наследника дагомейской короны.

Город Абомей и его укрепления

Из деревень Леффле-фу населена пленными анагу и носит название одной из их провинций; ею управляет дагомейский кабуссир, и она заслуженно выделяется превосходством обработки земли и трудолюбием жителей.

Примерно за четверть мили до городских ворот по обе стороны дороги под навесами стоят две тридцатидвухфунтовые карронады. Отсюда до самых ворот дорога с обеих сторон обсажена домами Фетиша, которых насчитывается более шестидесяти. Слева, у края рощи, виден дворец, окружённый высокой красной глиняной стеной. Ни один посетитель не может войти в Абомей без чувства разочарования из-за отсутствия величия и отвращения при виде зловещих украшений его ворот. Город имеет около восьми миль в окружности и обведён ровом примерно пяти футов глубиной, заполненным колючей акацией, — это единственная его защита. В город ведут шесть ворот, представляющих собой просто глиняные стены, перегораживающие дорогу, с двумя проходами: один предназначен для короля, другой служит дорогой его подданным. В каждом проходе находятся два человеческих черепа; с внутренней стороны лежит груда черепов — человеческих и всех полевых зверей, вплоть до слоновьих.

Ворота Дагомеи

Помимо этих шести ворот ров, имеющий овальную форму, у каждой стороны северо-западных ворот раздваивается в северном и северо-западном направлениях, и над каждой ветвью устроены такие же ворота с единственной целью — сбить с пути врага при ночном нападении. В центре города рядом друг с другом стоят дворцы Данге-ла-корде и Агрим-гомех; на севере находится первоначальный дворец Дагомеи; вокруг них и вплоть до южных ворот стоят дома, из которых наиболее заметны жилища министров. Перед Агрим-гомехом лежит обширная площадь, где находятся казармы и высокий навес, или дом для палаверов, салютная батарея из пятнадцати орудий и стоячий пруд. Сразу внутри юго-восточных, Каннаских, ворот находятся ещё одна салютная батарея и пруд и множество кузниц. Дороги, или улицы, содержатся в хорошем порядке; и, хотя лавок нет, их отсутствие восполняют два больших рынка — Ах-джа и к востоку от центрального дворца, который одновременно служит рынком, плацем и местом жертвоприношений, и Хунг-джулох сразу за южными воротами. Кроме них имеется несколько меньших рынков; все их прилавки принадлежат женщинам и обычно обслуживаются женщинами, жёнами людей всех сословий и занятий, от миганов до кузнецов.

Дома Фетиша многочисленны и украшены нелепым образом. Ткани изготавливаются внутри дворцов и домов. Единственное другое производство — гончарное, которое вместе с красильней является королевской монополией, поскольку в них работают царские жёны; никому не разрешено приближаться к мастерской. Внутри города лежат большие пустыри и много возделанных ферм. Правильных улиц нет, и европейцу трудно представить, что он находится в столице большой страны, поскольку все дома окружены высокими стенами из красной глины, за которыми растут крупные лесные деревья, а также апельсиновые, банановые и другие плодовые деревья. Все дома низкие и крыты соломой, и лишь один во дворце Данге-ла-корде и один во дворце Кумасси могут похвастаться двумя этажами.

Выйдя из южных ворот, путешественник проходит через городок Бех-кон, занятый главным образом дворцами Кумасси и Ахгон-гру и домами министров; от юго-западных ворот дорога ведёт к ещё одному королевскому дворцу. Дагомейская столица, в сущности, совершенно не защищена своими стенами и воротами и построена в крайне неудачном месте для столь большого города. На пять миль во все стороны нет воды.

Выйдя из северных ворот, путешественник вскоре достигает чрезвычайно красивой точки обзора. Стоя на возвышении в несколько сот футов, он видит у своих ног плодородную долину, ограниченную далеко на северо-западе высокими вершинами холмов Даб-а-Даб, окрашенными голубым и кажущимися крупнее из-за удалённости. Там и сям по этой плодородной равнине находятся маленькие илестые водоёмы, из которых многолюдный город получает весь запас этого необходимого вещества. При таком скудном и ненадёжном снабжении нетрудно представить, что свежая вода является в Абомее роскошью, и крик «Се-даг-би!» — «хорошая вода!» — слышен здесь столь же постоянно, как «*Agua de Lisboa*» от галисийцев в Португалии. На северо-восточной стороне столицы фермы целиком зависят от дождевой воды, собранной в сезон дождей и сохраняемой в глубоких ямах, изнутри смазанных пальмовым маслом, откуда её переливают в глиняные сосуды и так хранят в домах до возвращения дождливого периода.

Приготовление к первой встрече с королём

Недалеко от королевской резиденции мы остановились у дома друга нашего переводчика, где надели полную форму, а затем двинулись дальше к тенистым деревьям, чтобы ждать прибытия кабуссиров, которым надлежало провести нас к королевскому присутствию. Позади нас расположились наши спутники, носильщики гамаков и толпа дагомейских зрителей. Примерно в четверти мили стояло огромное собрание кабуссиров и солдат с парадными зонтами, плоскими сверху и украшенными подобно китайским, и знамёнами всех цветов с самыми разно-

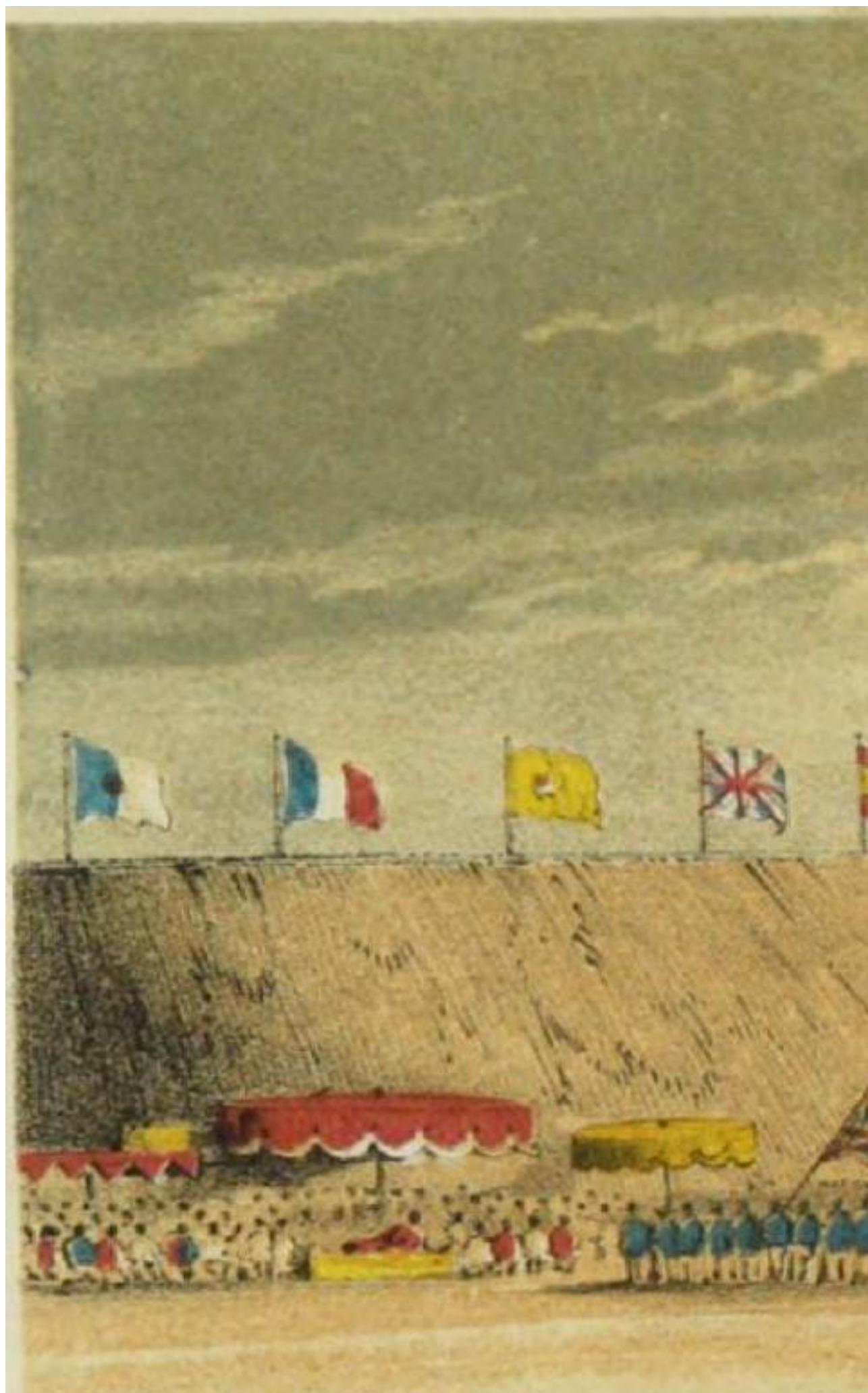
образными изображениями. Помимо дагомейских штандартов, каждый из которых был украшен человеческим черепом, развевались национальные флаги Франции, Англии, Португалии и Бразилии, тогда как у каждого кабуссира имелся собственный вымпел.

Визиты кабусиров и брата короля

Первым вождём, выступившим из этой пёстрой толпы кабусиров, был Бох-пех, губернатор столицы, одетый в местную ткань, обёрнутую вокруг тела, в мягкую широкополую шляпу, с ожерельями из коралла и других бус и с красивым мечом. За ним шли его солдаты, несли его штандарт, парадный зонт и табурет, соответствующий рангу; последним следовал оркестр самой нестройной музыки. Дойдя до нашего места, он поклонился, затем трижды прошёл вокруг наших сидений справа налево, завершая каждый круг низким поклоном. На третьем круге он выстрелил из трёх мушкетов и исполнил короткий танец, после чего подошёл, пожал руки и сел на свой должностной табурет, который носитель поставил справа от меня. Ах-хох-пех, брат короля, и Гасех-дох, главный из кабусиров Абомея, последовали за ним с такими же свитами и церемониями.

Когда все сели, часть королевского двора, у членов которой половина головы была выбрита, заняла место впереди и исполнила в нашу честь приветственный гимн. Они были нарядно одеты в алое с отделкой жёлтыми бусинами и другими украшениями, а головы покрывали серебряные шапочки, некоторые из которых отличались парой маленьких серебряных рогов, какие обычно носят в северных частях Африки, особенно в Абиссинии. В правой руке каждый держал плетё из конского хвоста, которой отбивал такт мелодии песнопения.

Затем выступил Пох-вех-су со своей группой людей, вооружённых мушкетонами; трижды пройдя вокруг нас, они дали салют. Пох-вех-су, как будет видно из последующего дневника, одновременно военный офицер, придворный шут и палач, причём последняя должность отнюдь не синекура. Как только мы закончили обычную церемонию распития за здоровье, мы сели в гамаки и, присоединившись к процессии позади кабусиров и их свит, под стрельбу мушкетов, мушкетонов и коротких латунных пушек направились к дворцовой площади.

Представление королю во дворце Данге-ла-корде

Стены дворца Данге-ла-корде через каждые двадцать футов увенчаны человеческими черепами; многие из этих зловещих украшений разрушены временем или сброшены ветром. Счастливое предзнаменование! Их не заменяют. Дворцовая площадь была заполнена вооружёнными людьми, сидевшими на корточках; отполированные стволы их датских мушкетов поднимались, словно лес. Под крытыми соломой воротами находился король, окружённый ближайшими жёнами; по обе стороны сидели амазонки, все в форме, вооружённые и снаряжённые; а в центре площади на корточках разместились мужчины. Сотни знамён и зонтов оживляли зрелище, а непрерывная стрельба из больших пушек и ручного оружия усиливала возбуждение.

Подойдя к королевскому месту, мы остановились, тогда как кабуссиры склонились и поцеловали пыль. Пройдя перед троном, мы поклонились и трижды обошли площадь, причём кабуссиры каждый раз падали ниц, а мы повторяли поклоны всякий раз, когда проходили мимо королевского места. На третьем круге министры и кабуссиры выстроились в линию к королю; когда мы вышли из гамаков, король, до этого полулежавший, поднялся, сорок нестройных оркестров заиграли быстрый марш, загрели пушки, и все закричали, кроме министров и кабусиров, которые распростёрлись и бросали себе на головы землю, пока мы подходили и пожимали королю руку.

Его Дагомейскому Величеству, королю Гезо, около сорока восьми лет; он красив, не имеет ничего от негритянского типа лица, а цвет его кожи на несколько оттенков светлее чёрного; внешность у него властная, выражение лица умное, хотя чрезвычайно суровое. В его гордости не может быть сомнения, ибо он ступает по земле так, будто она удостоена чести нести его. Если бы не лёгкое косоглазие, он был бы красивым мужчиной. В отличие от пёстрой одежды его министров, жён и кабусиров всех цветов, обременённых коралловыми, золотыми, серебряными и латунными украшениями, король был одет просто: в свободное одеяние из жёлтого шёлка с прорезями в виде атласных звёзд и полумесяцев, мандингские сандалии и испанскую шляпу с золотым галуном; единственным украшением была небольшая золотая цепочка европейской работы.

Сев на стулья лицом к королевской циновке, мы вступили в обмен любезностями; король задал множество вопросов о нашей государыне и Англии, а затем о мистерах Фримене, Круикшанксе и Уиньетте, которые прежде нас бывали при его дворе. Затем поимённо представили министров, и мы все вместе выпили. После этого таким же образом были представлены около сорока кабусиров.

Теперь нам указали на «английскую мать», и мы были поручены её заботам; устройство этой должности будет объяснено в дневнике Обычаев.

Смотр амазонок

Его Величество спросил, не желаю ли я увидеть смотр амазонок; я с радостью согласился, и он приказал вывести три полка. Расположение площади изменили: мужчины отошли назад, а для смотра обозначили квадрат. Один полк отличался белой шапочкой с двумя изображениями — синими аллигаторами, другой — синим крестом, третий — синей короной. Офицеров можно было узнать по коралловым ожерельям и лучшей одежде; каждый носил маленький кнут, которым они без стеснения пользовались, когда требовалось.

После осмотра они начали беспорядочную стрельбу, а время от времени некоторые выбегали из строя, подходили к подножию трона, обращались к королю, поднимали над головой мушкеты, затем возвращались и стреляли. Во время смотра министры собрались слева от короля. Справа находились несколько старших офицеров-амазонок в форме и аккуратно-

ном снаряжении, исполнявших обязанности при королевской особе: одна держала серебряную плевательницу, другая — королевскую шляпу, третья — булаву, красивую эбеновую трость, украшенную серебром; одна провозглашала завоевания дагомейской армии, а две другие, в качестве герольдов, трубили в длинные трубы, после чего громко перечисляли многочисленные имена Гезо, короля королей. Сразу позади короля под красивым малиново-золотым зонтом сидела «Светоч гарема»; вокруг неё находилось множество завистливых девушек, чья очередь на эту честь могла вскоре прийти. Их наряды были скорее пёстрыми, чем богатыми, украшенными кораллом и блестящими бусами.

Король предложил нам выпить, поднялся со стаканом в руке и коснулся им каждого из наших стаканов; тогда раздался пушечный салют, почти заглушённый криками толпы. Министры и кабуссиры танцевали, а евнухи и женщины держали перед королём полотнища. Мужчины не должны видеть, как король ест или пьёт.

Когда стрельба закончилась, нам представили Ахполпу-номех и Хи-тенга, полковников, и многих офицеров-амазонок, которые выпили за наше здоровье; в ответ я подарил им два бочонка рома. Затем представили вождя Дассы: он был пленником, отпущенным под честное слово, тем самым вождём, который невежливо обошёлся с мистером Дунканом во время его путешествий.

Мы простились; король в знак любезности проводил нас немного по дороге. Когда он вышел вперёд, вся толпа, как один человек, поднялась, выстрелила из мушкетов и закричала; поэтому грохот и шум были ужасающими. Затем они сомкнулись вокруг короля, пока оркестры играли быстрый марш. Когда мы достигли конца площади, он попрощался, пожал руки и трижды поочередно щёлкнул пальцами и большими пальцами наших рук. Свита майо продолжала стрелять, кричать, танцевать и петь всю дорогу до нашей резиденции в ограде майо — маленького аккуратного дома в уединённом месте, где во дворе росли два апельсиновых дерева и стояла кухня, благодаря чему дом был достаточно частным.

Ни один король не мог быть обходительнее или снисходительнее; однако во всём было заметно, что визит белых людей и пышность приёма забавляли его народ и в их глазах увеличивали величие самого короля. В дневнике Обычаев будет показано могущество этого короля; здесь достаточно сказать, что как военного вождя его боятся все соседи, а ужас, внушаемый его именем, является сильнейшей узой его власти и достигает гораздо большего, чем когда-либо могла бы сила его армии. Африканцы плохо умеют считать; и хотя память у них цепкая, числа они удерживают плохо, а свыше тысячи имеют о количестве лишь смутное представление. Эти солдаты, каждый год ходящие на войну, приобрели славу, которая при честном испытании вскоре оказалась бы незаслуженной.

Подарки королю. Беседа с королём

18 октября. Приготовив свой подарок, поскольку мистер Дункан сделал свой во время прежнего визита, я послал его королю с сообщением, что высадился неожиданно, но собрал небольшой подарок в Уиде. Он был милостиво принят. Я также послал небольшие дары мигану, первому министру, майо, великому визирю, камбуди, казначею, агау, главнокомандующему, и и-а-вал, «английской матери», с подобными посланиями.

Едва рассвело, как один за другим стали прибывать жезлы короля и всех заметных людей города, вплоть до Хи-ту-ги, королевского серебряных дел мастера, с вопросами о нашем здоровье. Каждый жезл несли два или три человека; поскольку каждому человеку требовался стакан неразбавленного рома и эти расспросы повторялись каждое утро, при долгом пребывании они превращаются в большую неприятность и большую статью расходов.

По приказу мы рано позавтракали и к восьми часам в полной форме находились на дворцовой площади, которая теперь была свободна. Майо тотчас оставил нас на обозрение соби-

равшейся толпы и ушёл доложить королю о нашем прибытии. Примерно через полчаса большие ворота распахнулись; пройдя внутренний двор, мы были введены в переднюю небольшой комнаты, украшенной военным оружием и снаряжением. На постели, покрытой очень красивой циновкой, полулежал король. В комнате на земле сидели женщины-министры; когда мы подошли и король поднялся, мужчины-министры — майо, камбуди, каупех и Тунуну — распростёрлись и поцеловали пыль. После рукопожатия мы сели, а министры поднялись из своего униженного и отвратительного положения и заняли действительные места, без согласия которых король не может действовать. Необычайно, что, хотя миган и майо валяются в грязи в присутствии короля, объединившись, они фактически обладают большей властью, чем их царственный господин.

После множества любезностей Его Величество попросил меня прочесть письмо главнокомандующего. Я передал ему письмо, он сломал печать и вернул его мне. Затем я читал содержание по частям, чтобы переводчики могли лучше объяснять. Его Величество слушал внимательно, после чего объяснил, что при нём нет тех сановников, которые должны участвовать в столь серьёзном палавере, но, если я посету его Обычай, он даст ответ. Затем он продиктовал письмо главнокомандующему, в котором обещал ответить мне на Обычаях. Спросив, собираемся ли мы посетить рынок, он распорядился выдать нам десять «голов» каури для покупок.

Судьба доктора Диксона

Мистер Дункан спросил короля, может ли тот сообщить ему о судьбе доктора Диксона, спутника Клаппертонна. Король рассказал следующее: «Доктор Диксон явился к моему двору в сопровождении покойного ча-ча, да Соузы, по просьбе которого я дал ему охрану из шестидесяти человек. После недолгого пребывания, во время которого он заболел лихорадкой и обрил голову, он отправился дальше. Когда они достигли границы, все, кроме четырёх человек, вернулись; остальные под начальством офицеров Ах-му-су, Ах-сок-ба и Бугбу сопровождали доктора Диксона через Чах в Нуфи, по дороге в Хауссу. После выхода из Нуфи всякий след потерялся, и с тех пор о них ничего не слышали». Затем король объяснил, что, как только мы уйдём, он отправится в Тенги совершить Обычай в память своей матери.

Выпив шампанского за здоровье короля Дагомеи и королевы Англии, мы попросили разрешения удалиться, весьма довольные необычностью встречи. Когда мы покинули дворцовые ворота, на площади едва можно было увидеть человека; но стоило королю выйти, как тысячи вооружённых людей бросились со всех сторон и собрались вокруг монарха, стреляя и крича. Вернувшись в дом нашего друга, мы переоделись, отправились на рынок и купили немного тканей пои, одежды и местных тканей.

Предание анагу

Близ рынка стоит памятник в ознаменование покорения Анагу. В Дагомею мало мест, где встречается камень; у анагу существовало предание, в которое они твёрдо верили, что когда их враги унесут камни, страна падёт. Дагомейцы завоевали их и исполнили пророчество, приказав всей армии, каждому солдату и человеку обоза, принести по большому камню. Почти все эти камни — гранит на разных стадиях образования. Несколько членов царской семьи нанесли нам визиты, не без ожидания и получения подарка.

Подарки от короля

19 октября. В шесть часов майо приказал поставить перед нашими воротами стол с вином и закусками, и нас пригласили слушать салют. После того как мы выпили за здоровье

Его Величества, солдаты, расставленные вдоль дороги, закричали «ура», и был произведён королевский салют; за ним последовали два салюта по девять выстрелов — для меня и мистера Дункана. Во время королевского салюта мимо проходила группа царских жён, и вслед за престарелым министром нам пришлось покинуть весёлую праздничную сцену и спрятать наши униженные головы у стены!

Сразу после этого мы получили подарки Его Величества, каждому: быка, ткань, десять «голов» каури, один бочонок рома, один сосуд пальмового масла, одну калекбасу муки, одну — местного мыла, одну — перца. Мадики, переводчику: две «головы» каури, две бутылки рома, одну козу, одну калекбасу муки, один сосуд пальмового масла. Нарви: две «головы» каури и одну бутылку рома. Маджелике, главе сопровождающих: одну «голову» каури и одну бутылку рома. Нашим круменам: две «головы» каури; носильщикам гамаков: две «головы» и две бутылки рома. Кроме того, каждый день мы получали около двух бушелей пищи, пальмовое масло, мыло, даб-а-даб и прочее.

Мистер Дункан подарил королевскому ткачу прялку. У него ступня великана, и он необычайно неуклюж. Он редко отсутствовал хотя бы час, рвал нити, ремешки и прочее и выпивал ужасающее количество рома. Приходило много людей; некоторые приносили в подарок один-два ямса, но все требовали подарок взамен. Эти подарки — страшная неприятность: вся система построена на дарах, при этом каждый ожидает большего, по крайней мере равноценного, и никогда не бывает удовлетворён.

Мистер Дункан искусно играет на варгане; несколько его старых знакомых приходили со своими инструментами и просили новых уроков. Как быстро чернокожее ухо схватывает мелодию! Один человек, Атта, хорошо играет все старые шотландские напевы. Как ни странно это звучит для варварской африканской страны, женщины проходят мимо нашей двери, подобно галисийцам Лиссабона, выкрикивая: «Се-даг-хи-се!» — «сладкая вода, вода».

Близ дома майо находятся городские бойни. Мяса забивают достаточно много, если учесть, что чёрные народы обычно едят мало животной пищи, «разве только когда им не приходится за неё платить».

Случай с круменами. Наш отъезд

20 октября. Встали на рассвете и уложили вещи. Позавчера во двор вошёл крумен; поручив его своему главному крумену, я послал за майо. По какой-то небрежности человека упустили. Он на хорошем английском рассказал, что он и ещё один человек остались от команды английского торгового судна, потерпевшего крушение на побережье Попо, и были проданы в рабство. У меня не оставалось сомнений, что он принадлежит майо; тот столь же упорно отрицал всякое знание о нём и обещал его разыскать.

Сегодня утром, когда мы были готовы, майо прислал сказать, что мы можем ехать. Зная, что в его обязанности входит проводить нас, я ответил, что мы ждём его визита. В ответ он сообщил, что состоит при короле, а если мы желаем говорить с ним о круменах, их, когда найдут, отправят в вице-консульство. Опасаясь, что этих людей могут не признать британскими подданными, я счёл лучшим оставить вопрос на решение правительства, и мы уехали.

Мистер Дункан несколько дней чувствовал себя плохо, а сегодня проявились признаки дизентерии. Я прошёл пешком до Канна — весьма приятная прогулка, — и там мы остановились, чтобы собрать багаж и дать мистеру Дункану отдохнуть. Был рыночный день; на дорогах, ведущих к рынку, стояли сборщики налогов и требовали от пяти до десяти каури с каждого, кто нёс товары на продажу. Вокруг одной дворцовой стены, называемой Аллахвей, была протянута травяная верёвка: это фетиш против пожара.

Королевский суд

21 октября. Прибыли в Аллахбу, в четырнадцать милях от Канна, близ болот. Мистер Дункан очень нездоров. Днём моё внимание привлёк страшный шум; проверив, я увидел, что некоторые наши носильщики гамаков и жители города ведут словесную войну. Вскоре глава города ворвался между ними, распростёрся, поцеловал пыль и сел на корточки; спустя едва мгновение все мирно уселись на корточки. Нарви прибыл слишком поздно и в страшной ярости бросился на одного из носильщиков и основательно его избил, тогда как глава города кричал ему прекратить и говорил, что его поведение — неуважение к суду. Нарви отступил в толпу, молчаливый, но взбешённый зритель.

Причина была такова: мои крумены дали одному носильщику двенадцать нитей каури, чтобы купить большую курицу, а носильщик заплатил восемь. Женщина, узнав после того, как курицу уже убили, что было дано двенадцать, потребовала либо вернуть птицу, либо доплатить деньги. Возникла ссора; чтобы Нарви не забрал дело себе, глава города объявил королевский суд, единственным судьёй которого в своём округе является он сам. Несколько жителей выступили с речами и осудили поведение Нарви. После полного доказательства обвинения, принимая во внимание, что обвиняемый — слуга белого человека, его отпустили, обязав лишь уплатить женщине всю сумму. Судья снова поцеловал пыль, носильщики гамаков встали на колени и хлопнули в ладони в знак покорности, затем все поцеловали пыль и разошлись, и таким образом королевский суд был распущен.

Прибытие в Уайбу

22 октября. Достигли Уайбу, перейдя болото. Мы встретили человека, закутанного с головы до ног в ткань и находившегося под охраной. Стражники сказали мне, что он «болен». Увидев его, носильщики гамаков бросились в кусты и знаками велели мне сделать то же, а меня самого именем короля предупредили не приближаться. Это был либо преступник, отправленный под стражей в Абомей, либо захваченный раб; я склоняюсь к первому.

23 октября. Достигли Аллады; губернатор прислал мне в подарок двух кур, двенадцать яиц, шесть ямсов и немного чистой воды.

24 октября. Достигли Тори. Мистер Дункан очень болен. Я послал к британскому агенту с просьбой не давать салют при нашем прибытии. Посетил кабуссира, который вместе со слугами фетиша изготавливал стул.

25 октября. Прибыли в Уиду, в британский форт. Мистер Дункан сразу лёг в постель с болезнью, которую мы считали дизентерией и соответственно лечили.

Я посетил вице-короля, который распростёрся перед королевским жезлом.

Дом Жозе Мартинса

Сняв дом в городе, я едва успел удалиться туда, как с изумлением услышал двадцать один выстрел из британского форта; и ради чего же? В честь подарка, преподнесённого королю Доминго Жозе Мартинсом, — тридцати пуншонов рома: всего даров на сумму 5000 долларов королю, кабуссирам, семье покойного да Соузы и народу. На общественной площади открыли три бочки, чтобы толпа могла буквально купаться в роме.

26 октября. Доминго Жозе Мартинс прислал мистера ____, того самого «чёрного», о котором говорилось прежде, с приветствиями и предложением всего, чем располагает его дом. Синьор Тасинта де Родригес, мадейрский торговец, был очень любезен, помогая мне готовить лекарства для мистера Дункана.

27 октября. Я зашёл поблагодарить Мартинса. Его дом хорошо обставлен, но это лишь показной дом; сам он живёт в небольшом помещении рядом. У него большой европейский сад и прекрасная апельсиновая роща. Он любезно предоставил мне своих гребцов каноэ, и, поскольку у британской фактории своих не было, я поневоле с благодарностью принял предложение.

28 октября. Посетил вице-короля, чтобы проститься, намереваясь отплыть с прибытием первого военного корабля. После множества просьб о мелких предметах я на обратном пути попрощался; он объяснил, что сообщит королю о болезни мистера Дункана, и предложил туземных врачей и лекарства, если понадобятся, добавив: «Все вы, белые люди, врачи, и худший из вас лучше лучшего из чёрных». Выходя из его дома, где трава была очень высокой, я заметил в одном дюйме от своей ноги маленькую ящерицу с неподвижно устремлёнными глазами. Она не шевельнулась при моём приближении. В то же мгновение на неё бросилась кобра и, прежде чем я успел поднять трость, унесла её; довольно близкое соседство со смертью.

Колокола португальской католической церкви весело звонят. Какая жалость, что им не отвечают колокольчики более простого протестантского места богослужения! «Kingfisher» бросил якорь.

Отплытие из Уиды. Смерть мистера Дункана

29 октября. Связавшись с капитаном Херви, я принял его на берегу вместе с хирургом, который решил немедленно перевезти мистера Дункана на корабль. Достав каноэ, мы все погрузились, не без удовольствия снова оказавшись на воде. Бедный мистер Дункан, увидев столько старых друзей, встречавших его, поскольку он должен был плыть на «Kingfisher», ободрился и до конца дня казался почти выздоровевшим.

«Kingfisher» дал королевский салют в честь короля Дагомеи и в ответ на салют, произведённый в Абомее в честь Её Величества. Мистер Дункан опасно болен. В этот день прибыл корабль Её Величества «Bonetta», и я отплыл в Сьерра-Леоне; вскоре там, с прибытием приза, захваченного кораблём Её Величества «Kingfisher», я узнал, что через три дня после посадки на судно мистер Дункан пал жертвой своего приступа. Он умер от болезни печени, усугублённой ядом, вдохнутым при вскрытии лошади да Соузы. Он был чрезвычайно предприимчивым человеком и достоин памяти своих соотечественников.

Именно через этот приз, когда призовая команда перешла на борт, экипаж «Bonetta» тяжело пострадал от оспы; и после перехода через область пассатов к острову Вознесения мы прибыли к Уиде к тому времени, которое король назначил для своих Обычаев, описание которых составит предмет моих последующих дневников.

ЧАСТЬ III

ДНЕВНИК ПРЕБЫВАНИЯ НА БЕРЕГУ В УИДЕ С 27 ФЕВРАЛЯ ПО 31 МАРТА И ОПИСАНИЕ УИДЫ

27 февраля. Высадился и посетил вице-короля. Мне сообщили, что Его Величество всё ещё находится на войне и время его возвращения неизвестно. Около назначенного для выступления времени умерло несколько высших сановников, и необходимость воздать почести их памяти задержала армию до конца января. Когда король отправляется на войну, никто ничего не знает о его действиях, пока он сам не объявит о возвращении; известие об этом придёт из Канна; а поскольку он задержался, вполне вероятно, что Обычаи будут отложены.

Объяснив вице-королю, что по желанию короля я высадился в назначенное время, чтобы посетить его Обычаи, и привёз от имени Её Величества подобающий подарок, купленный мной в Сьерра-Леоне, я сказал, что не вернусь на корабль окончательно, пока не узнаю о возвращении Его Величества и не получу указания какого-либо определённого срока, когда снова следует выйти на берег.

Вице-король сообщил мне, что Его Величество весьма сожалел о смерти вице-консула Её Величества Дункана и, как только узнал о ней, прислал ему приказ отправиться в британский форт, где он просидел целый день, пока его люди стреляли в память мистера Дункана. Его Величество также прислал большую местную ткань, кусок синей бафты, кусок белой бафты и кусок ткани для платков в качестве погребального одеяния, а также шесть «голов» каури, чтобы «накрыть стол», то есть устроить поминки; все эти предметы были переданы мистеру Абердину.

Желая тишины и решив жить упорядоченно, я предпочёл снять дом в городе, а не поселяться в форте; пока мои крумены приводили его в порядок, я вернулся на борт корабля Её Величества «Kingfisher».

Поездка в Малый Попо

2 марта. Высадился в Малом Попо, крупном невольничьем порту, где торговлю, однако, можно было бы легко прекратить постройкой форта на косе, одновременно господствующей над сообщением по лагуне и морским берегом. Достаточно отослать читателя к карте, чтобы увидеть, что Малый Попо и Китта отделены друг от друга лишь небольшим дневным переходом и соединены лагунами.

Государство является республикой, или, вернее, провинцией республики. Вождь, или президент, живёт в большом городе на некотором расстоянии; сам Малый Попо разделён лагуной на Аджато, невольничий город под португальским управлением, и Новый Лондон под властью президента, мистера Лоусона, откуда отправляют пальмовое масло.

Лагуна

3 марта. Прошли на вёслах некоторое расстояние вверх по лагуне — настоящему лабиринту, заполненному торговыми каноэ. Здесь, действительно, по-видимому, ведётся очень оживлённая торговля; в городе вождя находится один из тех больших рынков, которые обычны для Центральной Африки. На берегах грелись несколько крупных аллигаторов, а стаи диких уток пролетали в пределах выстрела.

В этих лагунах много рыбы, имеются отмели с прекрасными устрицами и косяки креветок; при этом в последней половине сухого сезона в них остаётся много воды, лишь слегка солоноватой.

4 марта. У Попо есть один ужасный недостаток: это грязнейший из городов. Смрад чудовищно силён и, должно быть, делает место нездоровым. Дома построены плохо; тот, в котором живу я, образует четыре стороны квадрата и по какой-то, несомненно, «мудрой» причине все проёмы выходят внутрь, отчего воздух здесь спертый и неподвижный. Одна сторона настолько стара, что с неё снимают крышу, делая проживание в остальных помещениях опасным из-за оставшихся без убежища змей, сколопендр, скорпионов и всех прочих восхитительных тропических домашних спутников; другую занимает мистер Джордж Лоусон, который как агент господ ____ ведёт торговлю пальмовым маслом — полагаю, самую грязную из всех торговлей, — и аромат с его стороны отнюдь не предпочтителен; четвертая сторона служит конюшней и спальней для чернокожих, многие из которых больны оспой!

5 марта. Мелководье этих лагун почти исключает возможность построить лодку достаточно лёгкую, чтобы ходить по ним в сухой сезон. В период дождей распространённость лихорадок и оспы значительно уменьшает вероятность того, что какой-либо организм выдержит пребывание на этих губительных озёрах.

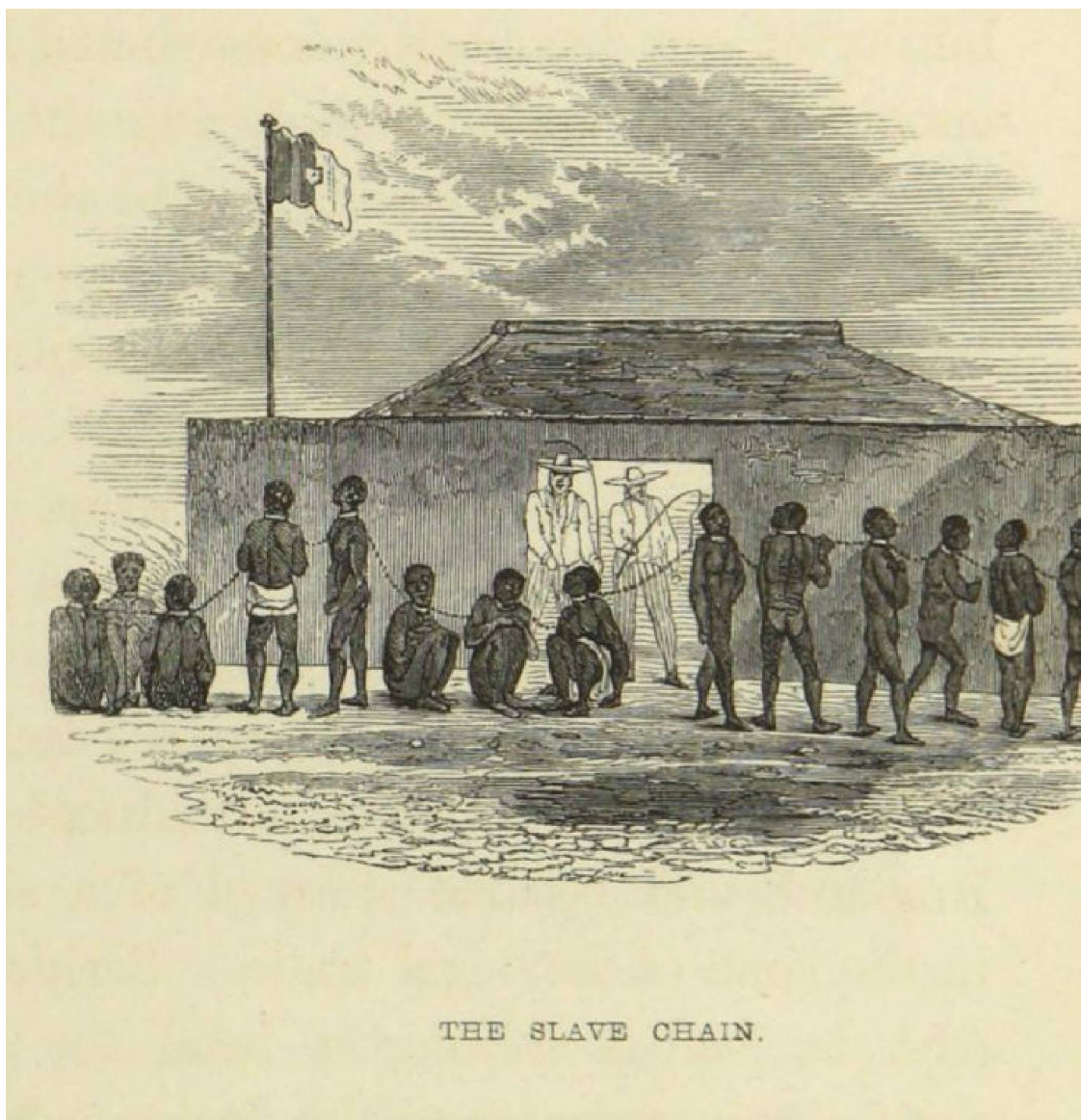
Мистер Лоусон и его история

6 марта. Посетил мистера Лоусона, который нарядился по случаю визита. Это маленький старый чернокожий с поразительной памятью, страдающий тяжёлой грыжей. Он уроженец Попо, но получил образование в Англии и в то время, когда работорговля была законной, стал стюардом невольничьего судна. Помимо жалованья он получал по шиллингу с каждого раба за работу переводчиком при докторе. Путь из Ливерпуля до места и обратно занимал семь месяцев; рабов высаживали на Ямайке.

Капитан умер. Помощник капитана, вернувшись, женился на вдове, имевшей состояние в сорок тысяч фунтов и двух дочерей. Шарлотте принадлежали десять тысяч фунтов, Мэри — девять.

В те дни во время перехода о рабах заботились так же, как о любом другом грузе, по крайней мере на судне мистера Лоусона, и задержек не было. В 1812 году он вернулся в Попо. У него большая семья; некоторые её члены живут как португалы, другие — как англичане.

8 февраля прошлого месяца здесь приняла груз шхуна. До полудня был виден баркас корабля Её Величества «Ranger», затем он ушёл к Аргви. В четыре часа шхуна бросила якорь вплотную к прибою, завела верп и посредством каната к берегу подтягивала каное туда и обратно: повсюду царили возбуждение и пьянство. Поскольку груз не принадлежал одному торговцу, рабов требовалось клеймить, и для этого призвали голландскую курительную трубку, которую изобретательно использовали, нанося различные знаки, долженствовавшие изображать буквы С, О, Е и Х — всю чашечку трубки, половину её или две половины. Через полтора часа шхуна уже отправилась в обратный путь.

Цепь рабов

Клеймение рабов Поездка в Аргви

7 марта. Отправился по лагуне в каноэ мистера Лоусона в Аргви. В этом невольничьем порту, почти целиком являющемся монополией Жозе Алмейды, ожидали судно, и туземцы без всякой маскировки показывали тревогу при нашем появлении. Аргви — республика и, насколько я смог выяснить, управляется сенатом без единого главы. Агент мистера ____ был чрезвычайно любезен и предоставил мне крытое каноэ, чтобы продолжить путь в Уиду.

Необыкновенный пример власти служителей фетиша

В прошлом месяце здесь был продемонстрирован необыкновенный пример власти и настойчивости служителей фетиша. Во время сильного торнадо молния ударила во флагшток английской фактории, проведя кривую линию почти до земли. В непосредственной близости находился склад пороха, и первой заботой было вынести его. Тем временем служители фетиша

собрались вокруг фактории и громко потребовали впустить их; получив отказ, они прошли по улицам города, заявляя, что заставили фетиш разрушить флагшток, потому что они «голодны», то есть агент им не платит, и что, если он не заплатит, они его убьют: это было третье предупреждение.

Первым предупреждением был случай, когда нынешний агент высадился в Бадагри за провизией и, пока он находился на берегу, его судно взорвалось; вторым — гибель «Medora», недавно потерпевшей крушение на реке Вольта. Что касается последнего случая, служители фетиша Вольты и Аккры имели между собой какой-то спор, после чего первые предупредили вторых и сказали, что в отместку получают одно торговое судно Аккры.

Если в это можно поверить, один из агентов старейшего торгового дома Золотого Берега посвящён в тайны и сам является служителем фетиша! Этот человек прежде был капитаном торгового судна; когда капитан «Medora» прощался с ним в Аккре и говорил об изменении течений вследствие дувших тогда харматтанов, тот заметил: «Вам следует держаться южнее, иначе можете оказаться на берегу у Вольты». Его слова оказались пророческими, и как таковые были присвоены этими воплощёнными дьяволами, его собратями-служителями фетиша.

На следующий день они возобновили угрозы и потребовали повреждённую мачту. Войдя во двор фактории, один из них поднялся, чтобы ударить по пятке стены, и одним ударом сбросил её вниз. Теперь «святые» люди сами испугались и ушли, заявив, что, если их не накормят, они непременно уничтожат факторию. По совету вождей агент уладил дело, потеряв товаров примерно на 200 долларов. Аргви — небольшой и не слишком чистый город, хотя весьма крупный торговый порт. У него есть одна особенность: улицы, подобно улицам Пасажес в Бискайе, представляют собой проходы под домами, или, вернее, сквозь них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.